

VII. Торговый подъемъ Аѳинъ и большая междуусобная война.

Колоніальныя предпріятія Аѳинъ на западъ. Послѣ вынужденныхъ мировъ 449 и 446 года Аѳинамъ нельзя было думать о новыхъ завоеваніяхъ; первое время не легкимъ дѣломъ казалось даже удержать въ повиновеніи подданныхъ державы. Смирившаяся радикальная партія, и во главѣ ея Перикль, должна была измѣнить свою внѣшнюю политику. Потерпѣвъ крушеніе на попыткѣ прямого захвата торговыхъ путей въ европейской Греціи, руководящіе круги Аѳинъ направили вниманіе на пріобрѣтеніе новыхъ коммерческихъ позицій внѣ державы, за ея окраинами. Тутъ стояли на очереди самыя насущныя вопросы въ жизни Аѳинъ: надо было обезпечить источники питанія для возросшаго населенія города, надо было открыть новые рынки для вывоза аттической индустріи. Но, помимо того, руководители мореходной державы разсчитывали косвенными средствами вернуться къ своей старой и основной задачѣ—экономическому подчиненію Греціи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удалось овладѣть транзитной торговлей, направлявшейся черезъ порты европейской Греціи, особенно тѣ, которые лежали у Истма, если бы аѳиняне, опираясь на свой большой флотъ, устранили всѣхъ конкурентовъ изъ области морей, окружающихъ Грецію, то вся метрополія оказалась бы въ полной зависимости отъ Аѳинъ. Въ этомъ смыслѣ очень важны попытки аѳинянъ, начиная съ 40-хъ гг., укрѣпиться на западѣ, въ южной Италиі и Сициліи.

Издавна Аѳины направляли продукты своей индустріи, особенно художественно-разрисованную посуду, къ берегамъ Италиі, въ Этрурію и Адриатическимъ моремъ къ долинѣ рѣки По. Въ свою очередь, Атика получала изъ Италиі и Сициліи важные предметы питанія, между прочимъ хлѣбъ и скоть, изъ Карфагена—матеріи. Однако аѳиняне не имѣли колоній и опорныхъ пунктовъ въ Италиі. Уже Фемистокль обращалъ вниманіе на западное побережье Средиземнаго моря и строилъ какіе-то планы; должно быть, онъ не даромъ назвалъ своихъ дочерей, одну Италіей, другую Сибарисъ. Теперь, по предложенію

Перикла, Афины взяли на себя руководящую роль въ устройствѣ новой колоніи Оурій на мѣстѣ разрушеннаго Сибариса.

Колонизація Оурій (443 г.) представляетъ вообще любопытное предпріятіе въ смыслѣ систематической попытки поселенія на общенациональной основѣ и съ примѣненіемъ новыхъ рациональныхъ пріемовъ. Въ новооснованномъ городѣ должны были сойтись и основать одну общину колонисты изъ всѣхъ частей Греціи. Въ этомъ духѣ отъ афинянъ было составлено воззваніе къ греческимъ городамъ. На него откликнулись выдающіеся люди разныхъ общинъ: софисты Эмпедокль изъ Акраганта въ Сициліи и Протагоръ изъ Абдеры во Фракіи, принявшій на себя редактированіе городского права Оурій; историкъ Геродотъ изъ Галикарнасса въ Малой Азіи; архитекторъ Гипподамъ изъ Милета, извѣстный своими планами новыхъ и гигиенически возводимыхъ городовъ, строитель Пирея, набросавшій проектъ и для Оурій; наконецъ, эмигранты, между ними спартаецъ Клеандридъ, осужденный на родинѣ за поспѣшное отступленіе изъ Аттики въ 446 году. Всѣ эти лица приняли горячее участіе въ устройствѣ новой колоніи и записались въ число ея гражданъ¹. Увлеченіе, охватившее нѣкоторые круги греческаго общества, можно сравнить приблизительно съ тѣми чувствами, какія въ концѣ XVIII вѣка вызвала у европейцевъ свободная республиканская Америка, образовавшаяся изъ эмигрантовъ разныхъ европейскихъ странъ. Въ Греціи многіе, повидимому, были увѣрены, что на новой почвѣ, безъ мѣстныхъ традицій, внѣ старыхъ связей и соперничества, въ средѣ гражданъ, составившейся изъ перемѣшанныхъ разнородныхъ элементовъ, удастся создать болѣе здоровое нормальное общество и провести прямо въ жизнь рациональныя просвѣтительныя начала. Впрочемъ, на ряду съ рационализмомъ при основаніи Оурій, заявила себя старая суевѣрная Греція. Въ Афинахъ надо было побѣдить рядъ предубѣжденій и какъ разъ въ средѣ демоса. За это взялся человекъ, близкій къ Периклу, извѣстный какъ богословъ и толкователь оракуловъ, Лампонъ. Самъ Лампонъ былъ, можетъ быть, всего болѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы доставить Элевейскому храму новыя приношенія отъ предполагаемой италійской колоніи. Онъ сумѣлъ отыскать нѣсколько подходящихъ изреченій Дельфійскаго оракула, благопріятныхъ основанію колоній въ Италіи; далѣе, при своихъ близкихъ отношеніяхъ къ Дельфамъ, онъ добылъ новый оракулъ, который прямо предписывалъ заложить городъ тамъ, гдѣ поселенцы будутъ пить воду въ мѣру, а хлѣбъ ѣсть въ обилии (плодородіе низины Сибариса вошло въ поговорку). Всѣ эти религіозные доводы имѣли большой успѣхъ въ Афинахъ. Самъ Лампонъ отправился въ Италію, какъ членъ комиссіи, которой было поручено руководить предпріятіемъ.

и произвести раздѣленіе земли; специально ему, какъ толкователю, выпало на долю досмотрѣть, чтобы все было сдѣлано согласно предписанію оракула.

Участіе Лампона очень характерно для тогдашнихъ Аѳинъ. Мы видимъ наглядно, что новое просвѣщеніе непосредственно встрѣчается съ консервативной религіей; видимъ, до какой степени сильны традиціонныя вѣрованія въ аѳинскомъ обществѣ. Очень любопытна и близость Лампона къ Периклу. На основаніи біографіи Плутарха Перикла любилъ изображать окруженнымъ просвѣтителями и самого проникнутымъ новымъ раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ; при этомъ настаивали на его интимномъ знакомствѣ съ Анаксагоромъ и Протагоромъ. Въ сущности о теоретическихъ воззрѣніяхъ Перикла говорить трудно; но, можетъ быть, этотъ вопросъ и не представляетъ большого интереса, если принять во вниманіе, что для практическаго политика, какимъ былъ Периклъ, и богословъ Лампонъ, и раціоналистъ Протагоръ являлись каждый въ своемъ родѣ очень нужными союзниками въ проведеніи опредѣленныхъ цѣлей; а жизнь въ Греціи, торопливая и нервная, сама давала нерѣдко такое соединеніе противорѣчій.

Возстаніе на островѣ Самосѣ. Вскорѣ послѣ основанія Оурій, которое должно было открыть пути аѳинскому вліянію на западъ, вспыхнуло большое возстаніе внутри державы. Рѣчи Фукидида, сына Мелесія, въ защиту угнетенныхъ произвели большое впечатлѣніе на союзниковъ; можетъ быть, даже его оппозиція была предвѣщаніемъ и подготовкой обширнаго движенія недовольныхъ членовъ союза, которые видѣли въ Фукидидѣ своего вожда. Между тѣмъ аѳиняне нисколько не думали о смягченіи своего режима и даже приняли рядъ демонстративныхъ мѣръ, которыя должны были показать союзникамъ, что ихъ трактуютъ, какъ подданныхъ, лишенныхъ всякаго права голоса. Между прочимъ аѳиняне раздѣлили всю область союза на 5 административныхъ округовъ, совѣмъ какъ сатрапію. Аѳинскій демосъ постановилъ около того же времени требовать отъ союзниковъ принесенія въ даръ Элевсинскому храму первыхъ плодовъ. Очень требовательные и настойчивые, аѳиняне мало заботились о привлеченіи на свою сторону демократическихъ слоевъ въ союзныхъ городахъ, по крайней мѣрѣ, обращались слишкомъ поздно къ этому средству. Они просмотрѣли, что олигархи различныхъ общинъ успѣли войти между собой въ обширное соглашеніе.

Главнымъ полемъ возстанія сдѣлался Самосѣ. Правящая на островѣ олигархія отказалась принять посредничество Аѳинъ въ спорѣ Самоса съ Милетомъ. Въ виду такого неповиновенія Периклъ бросился съ небольшою эскадрой въ 40 кораблей, всѣмъ, что было наготовѣ, къ

Самосу, свергъ олигархію, ввелъ демократическій строй и отправилъ представителей знатныхъ семей на островъ Лемносъ въ качествѣ заложниковъ, подъ стражу тамошнихъ аонскихъ клеруховъ (440 г.). Послѣ этого Перикль вернулся домой, считая дѣло поконченнымъ. Но часть олигарховъ успѣла бѣжать на берегъ Малой Азіи и уговорила съ персидскимъ сатрапомъ Писсутномъ, которому, можетъ быть, обѣщана была уступка Самоса. Съ помощью персовъ они набрали отрядъ наемниковъ, переправились на островъ, затѣмъ, войдя въ соглашеніе со своими единомышленниками, ворвались въ главный городъ и опрокинули демократовъ; имъ удалось также увести заложниковъ, водворенныхъ на Лемносѣ. Точчасъ же отпала отъ союза Византія, бывшая колонія Мегары; мятежъ показался также въ городахъ Халкидскаго полуострова; наконецъ, очень подозрительна была позиція, занятая лесбійцами и хіосцами. Положеніе получалось для Аоніи чрезвычайно опасное: можно было ожидать вмѣшательства Спарты и Персіи. Ходили слухи о томъ, что съ юга приближается финикійская эскадра на помощь возставшему Самосу. Спарта созвала конгрессъ пелопоннесскихъ общинъ, чтобы обсудить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оказать содѣйствіе самійцамъ.

Аоніяне не теряли времени. Перикль захватилъ всю учебную эскадру—видимо, у Аоніи не имѣлось наготовѣ другихъ кораблей—и потребовалъ подкрѣпленій отъ Хіоса и Лесбоса для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ обезоружить и пресѣчь возможность ихъ присоединенія къ мятежу. Затѣмъ онъ заперъ флотъ самійцевъ въ гавани и обложилъ городъ съ суши. На слухъ о приближеніи финикійской эскадры Перикль устремился противъ нея съ главнымъ контингентомъ своего флота; его отсутствіемъ воспользовались самійцы, разбили аоніянъ, оставленныхъ у осажденнаго города, и прорвали оцѣпление. Перикль, повидимому, такъ и не встрѣтился съ финикійцами, по въ результатѣ грозившаго нападенія аоніяне безвозвратно потеряли нѣсколько городовъ Каріи на южномъ краю малоазійскаго побережья. Осаду Самоса пришлось повести снова въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Постепенно аоніяне сосредоточили подъ Самосомъ до 200 тріеръ. Лишь на девятый мѣсяцъ осады самійцы сдались (439 г.). Условіями капитуляціи была выдача военныхъ кораблей и уплата большой военной контрибуціи, которую аоніяне разсматривали, какъ возвратъ богинѣ Аоніи суммы, взятой займы изъ ея сокровища для подавленія возстанія; Самосъ долженъ былъ выдать заложниковъ, многіе олигархи пошли въ изгнаніе, въ городѣ была восстановлена демократія. Теперь въ державѣ остались только двѣ автономныя общины, Лесбосъ и Хіосъ².

Послѣ подавленія мятежа въ Самосѣ и сдачи Византіи аоніяне

нисколько не смягчили своего режима. Напротивъ, въ финансовомъ отноше-
 нии они еще болѣе натянули требованія своей империалистической
 системы. Чтобы возмѣстить уменьшеніе взносовъ, получившееся отъ
 потери городовъ Каріи, аѳиняне подняли суммы фѳороса въ тѣхъ го-
 родахъ, которые казались ненадежными. Финансовые приемы ихъ при-
 няли характеръ ухищреній; такой видъ, напр., имѣла ἀπότλιξις, т.-е.
 выдѣленіе зависимой общины въ автономное положеніе, для того, чтобы
 брать съ нея особый взносъ.

Восточная колонизація и торговля Аѳинъ. Большое возстаніе 440—
 439 годовъ прервало торговыя предпріятія аѳинянъ, но, съ подавленіемъ
 мятежа, они опять возобновились. Среди своихъ широко раски-
 нутыхъ плановъ аѳинскій народъ вернулся къ одной изъ колонизаціон-
 ныхъ затѣй, намѣченныхъ еще при Кимонѣ въ 465 г. Дѣло шло о при-
 обрѣтеніи опорнаго пункта на нижнемъ Стримонѣ близъ рудоноснаго
 Пангейскаго кряжа. Аѳиняне воспользовались ослабленіемъ македон-
 скаго государства и основали въ 436 г., немного выше старой ко-
 лоніи Эйонъ, новый городъ Амфиюль. Колонія была устроена у вы-
 хода рѣки Стримона изъ богатаго лѣсомъ и металлами еракійскаго
 края; она составляла опасную конкуренцію для сосѣднихъ городовъ
 Халкидики, входившихъ въ составъ морской державы; отсюда ихъ
 возрастающая вражда къ Аѳинамъ и отпаденіе большей ихъ части во
 время Пелопоннесской войны. Амфиюль не былъ аѳинской клерухіей.
 Подобно Оуриямъ, составъ поселенцевъ въ немъ былъ чрезвычайно смѣ-
 шанный, и аѳиняне составляли лишь небольшую долю колонизаціи³.
 Этотъ фактъ показываетъ, въ какой мѣрѣ уменьшилось населеніе Ат-
 тики: въ 60-хъ, 50-хъ и еще 40-хъ годахъ страна могла выпустить
 цѣлый рядъ клерухій; теперь въ непрерывныхъ войнахъ составъ аѳин-
 скаго гражданства сильно порѣдѣлъ.

Около времени основанія Амфиюля Перикль предпринялъ большую
 экспедицію въ Понтъ. Когда образовался морской союзъ для борьбы
 съ персами и приморскія общины отдѣлились отъ персидской державы,
 для Аѳинъ особенное значеніе получили города, лежавшіе вдоль про-
 ѣзда къ Черному морю, т.-е. по Геллеспонту, Пропонтидѣ и Босфору.
 Обладаніе этимъ проѣздомъ было важно вслѣдствіе общей экономической
 роли Черноморья, усѣяннаго греческими колоніями: изъ черноморскихъ
 странъ направлялись на аѳинскій рынокъ различные сырые продукты,
 скоть, рыба, соль, кожи, строительное дерево, деготь, ленъ и пенька,
 но главнымъ образомъ хлѣбъ; понтійскій хлѣбъ составлялъ около по-
 ловины общаго хлѣбнаго привоза въ Аттіку. Въ свою очередь, въ
 греческія колоніи Понта и въ варварскія земли скивовъ и еракійцевъ
 стали ввозить аѳинскіе фабрикатъ. По временамъ, когда варвары Ски-

оіи начинали тѣснить понтіійскихъ грековъ, аѳинская торговля испытывала неприятные толчки и перерывы; поэтому въ интересахъ Аѳинъ было поддержать тамошнія колоніи и закрѣпить свое положеніе въ Черномъ морѣ.

Периклъ, во многихъ чертахъ продолжатель политики Писистратидовъ, положившихъ начало обладанію проливами, настоялъ на отправкѣ въ Понтъ морской экспедиціи. Во главѣ флота онъ отправился самъ въ Черное море съ тѣмъ, чтобы «выразить сочувствіе» грекамъ, а варварскимъ царямъ и князьямъ «показать величіе аѳинской мощи, увѣренность и смѣлость, съ которою аѳиняне плаваютъ, гдѣ имъ угодно, и держатъ въ своемъ распоряженіи все море» ⁴. Очень возможно, что послѣднія выраженія, носящія характеръ торжественныхъ формулъ, принадлежать программной рѣчи Перикла, въ которой онъ старался оправдать и расхвалить понтіійское предпріятіе. Аѳиняне укрѣпились на двухъ противоположныхъ берегахъ Чернаго моря: въ Синопѣ, гдѣ была основана аѳинская колонія, и въ Нимфеѣ, около Пантикапеи, у Керченскаго пролива. Послѣднее пріобрѣтеніе у входа въ Босфоръ Киммерійскій (Азовское море) сдѣлало ихъ прямыми хозяевами большей части хлѣбной торговли, шедшей съ сѣвера.

Возвышеніе Пирея. Съ развитіемъ торговыхъ связей аѳинская гавань Пирей становится первымъ и крупнѣйшимъ портомъ Греціи. Сюда начинаютъ сходитья товары не только со всѣхъ концовъ греческаго міра, но также изъ отдаленныхъ чужихъ странъ, Египта, Финикіи, Кипра, Фригіи и Лидіи, изъ Италіи и Карфагена. Аѳинскій портъ дѣлается посредникомъ между западной Европой и тропическими странами Востока, Аравіей и Сиріей. Въ самой Аттикѣ Пирей получилъ привилегированное положеніе передъ другими гаванями: подъ страхомъ тяжелаго наказанія было запрещено аѳинскимъ гражданамъ и метойкамъ везти хлѣбъ куда-либо, кромѣ большого порта въ Пиреѣ; позволялось кредитовать деньги лишь подъ залогъ тѣхъ кораблей, которые обязались привезти въ портъ обратный грузъ. Усиленный обмѣнъ, происходившій въ Пиреѣ, давалъ не только много дохода частнымъ лицамъ, владѣльцамъ судовъ, негодантамъ, служащимъ въ конторахъ и складахъ, носильщикамъ и рабочимъ; выигрывала также община, благодаря увеличенію таможенныхъ сборовъ.

Въ разросшемся портѣ, гдѣ стоялъ подъ защитой укрѣпленій весь военный флотъ аѳинскій, были возведены крупныя сооруженія: крытые доки для кораблей, морской арсеналъ, магазины для склада хлѣба (*ἀλφιτόπολις*), товарная биржа (*δείγμα*), гдѣ пріѣзжіе купцы выставляли образцы продаваемыхъ товаровъ, и гдѣ заключались сдѣлки. Пирей украсился большими каменными набережными и молами, просторной

рыночной площадью. Весь примыкающій къ порту городъ былъ перестроенъ по плану просвѣщеннаго архитектора Гипподама. Въ противоположность тѣснымъ кривымъ улицамъ Аѳинъ, которыя стали называть «верхнимъ городомъ» или просто «городомъ» (ἄστυ), Пирей состоялъ изъ широкихъ проспектовъ, пересѣкающихся подъ прямыми углами. Въ Греціи V вѣка это было новостью, и Пирей послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ большихъ приморскихъ городовъ эллинистической эпохи, Родоса, Александрии и др. На пирейскомъ населеніи, которое составляло особый демъ, лежалъ отпечатокъ шумной подвижности: оно считалось болѣе демократично настроеннымъ сравнительно съ гражданствомъ стараго города ⁵.

Единовластіе Перикла. Державное положеніе Аѳинъ и расцвѣтъ Пирея создали въ гражданствѣ большую и разнообразную группу людей, вполне довольныхъ политикой момента. Впослѣдствіи противники демократіи составили списокъ тѣхъ гражданъ, которые были заинтересованы матеріально въ господствѣ Аѳинъ надъ союзниками и, такъ сказать, жили на счетъ имперіи. Въ силу этого обвинительнаго акта выходило, что отъ взносовъ, пошлинъ, штрафовъ и всякаго рода сборовъ съ союзниковъ, въ Аѳинахъ кормится больше 10.000 человекъ, при чемъ считали присяжныхъ судей, получавшихъ пайки, членовъ совѣта, должностныхъ лицъ въ Аѳинахъ, чиновниковъ, посылавшихся на мѣста (тѣхъ и другихъ списокъ насчитывалъ по 700), командировъ и солдатъ гарнизонныхъ и экзекуціонныхъ отрядовъ, государственныхъ пенсионеровъ и т. д. ⁶; другими словами на иждивеніи государства въ эпоху Перикла состояло около половины всего гражданства.

Въ сущности, если перебирать круги «удовлетворенныхъ» въ Аѳинахъ, то слѣдуетъ прибавить купеческіе слои, судовладельцевъ, индустриаловъ и банкировъ, и даже, можетъ быть, придется признать, что эти группы особенно были довольны финансовой политикой Перикла: въ самомъ дѣлѣ, обереганіе державы, оплата крупной военной силы, все это осуществлялось безъ всякаго отягощенія высшихъ слоевъ гражданства прямыми налогами. Периклъ чрезвычайно искусно ввелъ обычай дѣлать въ крайнихъ случаяхъ займы у богини и, такимъ образомъ, обходился безъ обращенія къ ненавистой *εἰσφορὰ*, налогу на доходы. Мало того, послѣ подавленія возстанія на Самосѣ, показавшаго ненадежность общаго положенія и возможность разрыва съ Пелопоннесскимъ союзомъ, Периклъ предложилъ откладывать въ казну богини резервный фондъ, изъ котораго можно было бы покрывать расходы въ случаѣ войны. Ко времени начала великой Пелопоннесской войны накопленный Перикломъ фондъ равнялся 6.000 талантовъ, и онъ рѣшился сказать въ экклесіи, что Аѳины будутъ въ силахъ выдержать

борьбу на свои сбереженія (*περὶουσίαι*) 7. Богатые слои не могли не испытывать благодарности руководящему политику за столь бережное отношеніе къ ихъ интересамъ при условіи широкаго развитія въ то же время торговых сношеній, создававшихъ усиленный притокъ капиталовъ въ Аѣны; они готовы были охотно оплачивать всѣ эти выгоды большими «добровольными» взносами на общественныя нужды, нести всякаго рода литургіи, тѣмъ болѣе, что траты ихъ на празднества и на снаряженіе кораблей создавали имъ блескъ и популярность въ городѣ. Наконецъ, за политику момента и за ея вождя стояла масса простыхъ гражданъ, особенно участниковъ экспедицій и походовъ, въ которыхъ Перикль пользовался неизмѣннымъ счастьемъ, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Кимона, Миронида и Толмида у него не было соперниковъ, которые могли бы сравняться съ нимъ по таланту и популярности.

Соединеніемъ этой суммы разнообразныхъ интересовъ объясняется прочность политическаго положенія Перикла въ 30-хъ годахъ. Господствующіе классы столичнаго и мореходнаго гражданства безгранично довѣряли своему вождю. Начиная съ эвбейскаго похода 446 года, народное собраніе непрерывно, въ теченіе 16 лѣтъ, переизбирало Перикла на должность стратега, въ важныхъ случаяхъ назначая его стратегомъ-автократомъ, т.-е. поручало ему полномочное веденіе флота, войска и финансовъ. Повидимому, за весь этотъ періодъ вплоть до паденія Перикла въ 430 году аѣнскій народъ не требовалъ отъ главнокомандующаго и въ то же время отвѣтственнаго министра финансовъ подробныхъ отчетовъ. Лишь въ 430 году, во время процесса, свергнутому диктатору пришлось отвѣтить относительно исчезновенія въ 446 году суммы, которую онъ передалъ спартанскому командиру, чтобы побудить его уйти изъ Аттики. Вслѣдствіе такого преобладанія Перикла въ Аѣнахъ получается положеніе совершенно исключительное, небывалое со времени паденія тиранній; Фукидидъ выражаетъ его въ словахъ, уже приведенныхъ выше: «по имени была демократія, а на дѣлѣ монархія перваго по значенію человѣка». Въ самомъ дѣлѣ, послѣ изгнанія Фукидида, сына Мелесія, никакой оппозиціи въ собраніи больше не слышно, никакихъ колебаній въ вопросахъ международныхъ, финансовыхъ, союзническихъ больше нѣтъ. И самъ Перикль далеко не тотъ, что былъ раньше. Онъ не испытываетъ необходимости искать расположенія у толпы; онъ управляетъ ею свободно, какъ выразился Фукидидъ. Онъ рѣдко выступаетъ передъ эkkлесіей и заставляетъ дѣйствовать своихъ друзей, т.-е. второстепенныхъ, подручныхъ людей. Комедія зоветъ его громовержцемъ, олимпійцемъ. Его сравниваютъ съ тиранномъ Писистратомъ, его ближайшихъ сторонниковъ называютъ Писистратидами, и въ самомъ дѣлѣ многое напоминаетъ популярную тираннію.

Нравы афинской демократіи. Помимо появленія въ Афинахъ подобія тиранніи, строгая политическая конституціонность нарушается еще въ другомъ отношеніи. Въ народномъ собраніи нѣтъ свободы слова, нѣтъ того, что сами афиняне называли *ισχυρία*. Демось не терпитъ, чтобы затрогивали установившійся строй. Вплоть до олигархической революціи 413—411 гг. критиковать открыто демократическія учрежденія и обычаи считается опаснымъ. Не только на подобныя вещи не рѣшается ни одинъ ораторъ, но нѣтъ также смѣлой оппозиціонной публицистики. Интересная брошюра или рѣчь олигарха, извѣстная подъ именемъ Псевдоксенофонтонвой политіи, не увидѣла свѣта; она была произнесена въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ и расходилась анонимно по рукамъ.

Въ перикловскихъ Афинахъ дѣло дошло даже до законодательства, напоминающаго законы объ оскорбленіи величества. Въ самомъ дѣлѣ, во время большого возстанія на о. Самосѣ 440—439 гг., угрожавшаго существованію державы, когда въ средѣ союзниковъ господствовало сильное возбужденіе, афинскій народъ принялъ постановленіе, которое можно сравнить съ современными намъ ограниченіями печати: были воспрещены личныя нападки въ комедіи, носившей вообще по преимуществу политическій характеръ. Можно предполагать, что законъ воспретилъ выводить на сценѣ и осмѣивать опредѣленныхъ дѣятелей подъ ихъ собственнымъ именемъ и въ соответствующей маскѣ. Народъ не допускалъ осмѣянія избранныхъ имъ должностныхъ лицъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ подрывъ своего державнаго авторитета. Запрещеніе это было отмѣнено съ окончаніемъ возстанія. Но извѣстнаго рода ограниченія сохранились. Такъ, напр., остался въ силѣ запретъ осмѣивать архонта, руководящаго Діонисіями⁸. Правда, не было въ Афинахъ прямого закона, который бы воспрещалъ критиковать въ комедіяхъ демось, но, по замѣчанію современнаго наблюдателя, весьма остраго и компетентнаго, афиняне не любили, чтобы демось подвергался осмѣянію или порицанію въ комическихъ пьесахъ и чтобы, такимъ образомъ, о немъ распространялась дурная репутація; напротивъ, очень охотно допускали на сценѣ частныя сплетни и нападки на лицъ неслужащихъ, такъ какъ подобные удары обрушивались на богатыхъ, родовитыхъ или вообще видныхъ людей, стороннихъ народу. Въ виду этихъ условій, авторъ долженъ былъ соблюдать осторожность, чтобы не затронуть государство или народъ, или кого-нибудь изъ должностныхъ лицъ, избранныхъ народомъ, въ особенности если пьеса ставилась во время праздника Діонисій, когда въ Афинахъ собиралось множество иногороднихъ и чужихъ людей; иначе онъ рисковалъ быть отданнымъ подъ судъ совѣта 500 по обвиненію въ оскорбленіи народа (*ἀδικεῖν τὸν δῆμον*).

Очень чувствительный ко всякаго рода критикѣ, афинскій демосъ жадно выслушивалъ комплименты себѣ и, повидимому, обязывалъ драматурговъ, готовившихъ пьесы на большіе всенародные праздники, вставлять подробныя восхваленія демократическаго строя. Впечатлѣніе такой вставки, исключительно рассчитанной на то, чтобы угодить демосу, производить слѣдующая сцена изъ эврипидовскихъ *Ἰκέτιδες* (Умоляющихъ о защитѣ).

Къ афинскому царю Тесею обратились съ мольбой о помощи матери героевъ, убитыхъ подѣ Фивами и оставленныхъ безъ погребенія. Тесей идетъ грозной силой на Фивы и на пути встрѣчаетъ фиванскаго посла. Эта встрѣча не имѣетъ никакого значенія для хода дѣйствія; она инсценирована только для того, чтобы на вызывающія слова фиванца Тесей могъ развить гордую демократическую программу Афинъ. *Фиванецъ*: Кто правитель (*τύραννος*) земли этой?—*Тесей*: Лживыми словами начинаешь ты свою рѣчь; нѣтъ единаго правителя надъ этимъ свободнымъ городомъ. Народъ здѣсь царствуетъ, смѣняя ежегодно должностныхъ лицъ и равняя богатыхъ въ правахъ съ бѣдными.—Словесный турниръ продолжается, и фиванецъ подстрекаетъ защитника демократіи рѣчью, полной обидныхъ замѣчаній: по его мнѣнію, въ республикѣ, гдѣ править чернь (*ὄχλος*), выступаютъ вредные, своекорыстные льстецы, добиваясь темныхъ цѣлей; народъ не способенъ самостоятельно разбираться въ дѣлахъ. Бѣдный человѣкъ, копающійся въ полѣ, хотя бы онъ даже получилъ образованіе, развѣ можетъ оторваться отъ своего тяжелаго труда и подняться до пониманія общественаго блага? И, наконецъ, не обидно ли порядочнымъ людямъ видѣть, какъ пробирается въ важную должность ничтожный человѣкъ, поднявшійся изъ грязи и угодившій народу своимъ краснобайствомъ? Въ отвѣтъ на это Тесей гремитъ горячей апологіей: «Нѣтъ хуже тиранна для общины. При его господствѣ нѣтъ равнаго для всѣхъ права, властвуетъ тотъ, кто овладѣлъ закономъ. Другое дѣло, когда законъ утвержденъ и записанъ: слабый и богатый тогда равны передъ судомъ, и даже слабый можетъ выступать обвинителемъ сильнаго. Главный признакъ свободы, это—право каждаго гражданина выступать публично со своимъ мнѣніемъ. Тамъ, гдѣ народъ властелинъ земли (*δημος ἀυθιγτης χθονος*), сохраняется цвѣтъ молодежи, хочется работать и копить богатства; напротивъ, тираннъ губить молодое поколѣніе, при немъ небезопасно и нѣтъ охоты собирать богатства»⁹.

Демосъ въ качествѣ властителя державы. Къ концу 30-хъ годовъ, благодаря колонизаціоннымъ предпріятіямъ, развитію коммерческихъ связей, усилению транзитной торговли, Афины становятся крупнымъ центромъ товарнаго и денежнаго обмѣна. Казалось, демократія возвратила

себѣ всѣ тѣ матеріальныя выгоды, которыя она потеряла отъ военныхъ и дипломатическихъ неудачъ 40-хъ годовъ. Очень характерны для оцѣнки положенія вещей въ Аѳинахъ тѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ авторъ Псевдоксенофонтовой Политіи. Закоренѣлый олигархъ и врагъ народа, онъ, однако, не можетъ удержаться отъ восторга при видѣ морского могущества Аѳинъ и связаннаго съ нимъ обладанія богатствомъ, которое сходится со всѣхъ концовъ свѣта.

Онъ начинается съ изображенія военныхъ основъ мощи Аѳинъ и переходитъ къ промышленнымъ. Союзныя и подчиненныя общины, входящія въ аѳинскую державу, разъединены; онѣ нигдѣ не могутъ собрать вмѣстѣ крупныя силы. Вѣдь между ними въ серединѣ море, а повелители моря (*Θαλαττοκράτορες*) все держатъ въ своихъ рукахъ. Они быстро могутъ появиться въ любомъ мѣстѣ и нанести вредъ, запретить сообщенія врагу, и притомъ даже болѣе сильному, чѣмъ они сами; имъ также легко въ случаѣ необходимости отступить. Несравненно труднѣе и рискованнѣе всякаго рода сухопутныя предпріятія; пѣшія войска медленно идутъ, ихъ трудно продовольствовать, и они могутъ передвигаться только черезъ союзныя территоріи. Для всѣхъ тѣхъ, кто господствуетъ на морѣ, нѣтъ этихъ затрудненій. Они могутъ выморить голодомъ любого противника; всякій городъ вѣдь держится торговлей и долженъ одно вывозить, другое ввозить къ себѣ. Общее продовольствованіе въ сухопутной странѣ несравненно хуже поставлено, чѣмъ въ морской. Первая можетъ пострадать отъ неурожая; для второй такія явленія безразличны. Вѣдь не на всей земной поверхности одновременно бываетъ неурожай. А оттуда, гдѣ въ данный моментъ изобиліе, владѣтели моря вывезутъ нужные имъ припасы. «Если говорить о вещахъ менѣе важныхъ, то аѳиняне пользуются для своихъ обѣдовъ лакомствами со всѣхъ концовъ: изъ Сициліи, Италіи, Кипра, Египта, Лидіи, Понта, Пелопоннеса; все это открыто имъ благодаря власти ихъ надъ моремъ». Здѣсь авторъ не можетъ удержаться отъ ироніи. «Забирая отовсюду товары, аѳиняне слышатъ всѣ языки и отъ всѣхъ что-нибудь заимствовали. Всѣ греки говорятъ на чистыхъ своихъ нарѣчійхъ; у аѳинянъ перемѣшались всѣ говоры и обычаи, и греческіе, и варварскіе». Но онъ опять серьезно продолжаетъ: «Богаты между всѣми греками и варварами только аѳиняне. Это—результатъ опять-таки ихъ господства на морѣ. Если есть области, изобилующія строительнымъ матеріаломъ, кому онѣ его продадутъ, какъ не владыкѣ моря? Точно такъ же области или общины, богатыя полотномъ, желѣзомъ и мѣдью, воскомъ и т. д.? Вотъ я, не трудясь нисколько надъ землей, и получу все моремъ». И ни одна община не выдержитъ сравненія съ нашей мореходной, съ гордостью заявляетъ

аѳинскій олигархъ; производство всюду носить односторонній характеръ; а мы все сосредоточиваемъ у себя. Такимъ образомъ, морское развитіе Аѳинъ создало въ сознаніи большинства аѳинянъ извѣстнаго рода догматы внѣшней политики, которые совершенно раздѣляетъ даже врагъ демократіи. Характерно въ его рѣчахъ еще другое. Онъ говоритъ такъ, какъ будто сельской территоріи не существуетъ, или она вовсе не идетъ въ счетъ; есть только «городъ», всепоглощающая столица, которая надо всѣмъ командуетъ, все можетъ себѣ закупить и до всего добраться.

Брошюра олигархическаго автора даетъ намъ еще нѣсколько цѣнныхъ чертъ для изображенія аѳинской жизни времени полного расцвѣта морской державы. Конечно, авторъ постоянно склоненъ къ преувеличеніямъ, къ подчеркиванію темныхъ сторонъ, къ карикатурѣ, но онъ ничего не сочиняетъ, онъ передаетъ факты, только извѣстнымъ образомъ поднесенные публикѣ.

Въ Аѳины, по его словамъ, тянется непрерывная вереница прибывающихъ по своимъ дѣламъ союзниковъ; главнымъ образомъ, они пріѣзжаютъ судиться и защищать свои интересы въ аѳинскихъ судахъ. Выгоды аѳинянъ отъ этого наплыва союзниковъ въ столицу несомнѣны. Во-первыхъ, они получаютъ цѣлый годъ судебный паекъ изъ платы за судебныя издержки. Затѣмъ, спокойно оставаясь дома, не выѣзжая на корабляхъ, демосъ имѣетъ возможность руководить союзными городами: на судѣ онъ беретъ подъ свою защиту простолудиновъ и осуждаетъ противниковъ народа; а если бы судъ находился въ рукахъ самихъ союзниковъ, они, будучи раздражены противъ аѳинянъ, старались бы уничтожить какъ разъ тѣхъ изъ своей среды, кто наиболѣе расположенъ къ аѳинскому демосу. Кромѣ того, демосъ аѳинскій получаетъ еще другія выгоды отъ того, что союзники ведутъ въ Аѳинахъ свои процессы: во-первыхъ, возрастаетъ 10% портовой сборъ (*ἐκαστοτή*), собираемый въ Пиреѣ, во-вторыхъ, выгодно владѣльцамъ наемныхъ помѣщеній, далѣе извозчикамъ и хозяевамъ носильщиковъ, наконецъ, больше заработка приставамъ и курьерамъ (*κέρως*). Опять авторъ не можетъ удержаться отъ насмѣшливыхъ замѣчаній. Если бы союзники не ѣздили на процессы въ Аѳины, они почитали бы лишь тѣхъ аѳинянъ, которые выѣзжаютъ на корабляхъ, т.-е. командировъ, капитановъ и дипломатическихъ агентовъ; а теперь каждый изъ союзниковъ долженъ ухаживать за народомъ аѳинскимъ, такъ какъ хорошо понимаетъ, что онъ пріѣхалъ въ Аѳины судиться именно у народа, а не у кого другого: и онъ долженъ въ судѣ падать на колѣни, а какъ только кто войдетъ изъ аѳинянъ, ловить его за руку. Поэтому союзники скорѣе всего могутъ быть названы рабами народа аѳинскаго.

Слышу я, говорить авторъ брошюры, какъ аѳинянь обвиняють въ томъ, что перѣдко совѣтъ и народъ оставляли нерѣшеннымъ иное дѣло, хотя заинтересованное лицо просидѣло цѣлый годъ въ Аѳинахъ; это происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ множества дѣлъ и невозможности во всѣхъ нихъ разобраться. Да и какъ тутъ на все успѣть, когда аѳинянамъ приходится справлять столько праздниковъ, сколько ни въ одномъ греческомъ городѣ (а въ праздники нельзя заниматься общественными дѣлами), затѣмъ рѣшать по такому множеству частныхъ жалобъ, государственныхъ процессовъ, служебныхъ отчетовъ, что, пожалуй, столько дѣлъ не разсудятъ всѣ люди на свѣтѣ; а совѣтъ долженъ обсудить цѣлый рядъ вещей, касающихся войны, поступленія платежей, законодательства, городскихъ нуждъ, союзническихъ дѣлъ, пріема податей, заботы о корабельныхъ верфяхъ и о святилищахъ. Развѣ можно тутъ удивляться, что подъ давленіемъ такой массы дѣлъ аѳиняне не въ состояніи все рѣшить и всѣмъ дать отвѣтъ?

Какія характерныя признанія со стороны недоброжелателя демократіи! Онъ дѣлаетъ злостный намекъ на возможность подкупа аѳинскихъ судей, но считаетъ все же, что демократическіе суды въ Аѳинахъ наиболѣе обезпечивають справедливость и безпристрастіе рѣшеній. Онъ признаетъ непрерывный судебный контроль, повсемѣстную и неотступную провѣрку путемъ судебного разбирательства самой замѣтной особенностью аѳинской политической жизни. Что касается союзниковъ, ихъ подчиненія аѳинянамъ, превращенія ихъ въ «подданныхъ» или «рабовъ аѳинскаго народа», по выраженію автора, то это фактъ общепризнанный и не прикрываемый никакими благозвучными фразами: «аѳиняне любятъ, чтобы союзники за ними ухаживали». Въ Аѳинахъ постоянная толчея просителей, ходатаевъ, тяжбщиковъ, огромный пріѣздъ иногороднихъ гостей и дѣловыхъ людей. Отъ возрастающаго административнаго значенія столицы выигрываютъ частныя интересы аѳинскаго гражданства. И, наконецъ, еще одна черта аѳинской жизни, которая вызываетъ проницкую усмѣшку автора, принадлежащаго къ порядочному обществу: аѳиняне очень любятъ праздники, и въ Аѳинахъ ихъ необычайное обиліе. Авторъ относится къ праздникамъ, какъ къ чему-то для него постороннему: это—забавы и развлеченія все того же демоса, самоувѣреннаго, не прошедшаго школы, занятаго только собой и отлично устроившагося на общественный счетъ.

Культура аѳинскаго народа. Насмѣшливыя замѣчанія автора олигархической брошюры направляютъ насъ къ своеобразному строенію умственной жизни аѳинскаго общества. Авторъ, пишущій около 425

года, принадлежит къ кружкамъ интеллигенціи, рѣзко отдѣляющей себя отъ народной массы. «По всему свѣту лучшіе элементы враждебны демократіи; а у лучшихъ преобладаетъ скромность и чувство справедливости, совѣстливое отношеніе къ дѣлу и соревнованіе во всемъ хорошемъ и благородномъ, тогда какъ народу свойственно совершенное отсутствіе образованія и дисциплины и крайняя низменность; причиною того, что чернь склонна ко всему дурному, съ одной стороны, бѣдность, съ другой—недостатокъ воспитанія и образованія, а это опять вызвано отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ». Авторъ гордится технической выучкой, специальными знаніями людей своего круга, интеллигенціи, и отрицаетъ всякую просвѣщенность за массой народа. Намъ придется существенно разойтись съ его мнѣніемъ и дать приведенному имъ факту противоположности интересовъ интеллигенціи и народа другое толкованіе. И какъ разъ аѳинскіе праздники послужатъ намъ особенно яркимъ матеріаломъ.

Аѳинскія празднества состояли, главнымъ образомъ, изъ большихъ драматическихъ представленій, исполненія диѳирамбическихъ хоровъ, массовыхъ плясокъ и художественныхъ процессій въ костюмахъ. Въ V вѣкѣ въ Аѳинахъ собственно не было профессиональныхъ актеровъ. Играли, пѣли и танцевали граждане разныхъ званій; все это были, говоря по-нашему, любительскіе спектакли и постановки. Надо имѣть въ виду, что любительское усердіе не ограничивалось однимъ исполненіемъ; заготовленіемъ костюмовъ, масокъ, декорацій, театральныхъ машинъ (само наше слово машина, *μηχανή*, идетъ изъ аѳинскаго театра), занимались также обыватели, не профессионалы, между своимъ обычнымъ дѣломъ. А усердіе и увлеченіе требовалось очень большое! Въ Аѳинахъ не любили повторять пьесы, къ каждому празднику требовались новинки. Ежегодно разучивалось по нѣскольکو большихъ постановокъ къ каждому изъ двухъ главныхъ драматическихъ праздниковъ, Діонисіямъ и Лензіямъ; кромѣ того, заготовлялись въ еще большемъ количествѣ диѳирамбы, массовыя хоровыя пѣсни. Въ цѣломъ ежегодно выступало до 2.000 исполнителей, т.-е. около одной десятой взрослога населенія гражданства. Въ Аѳинахъ очень цѣнили хорошее исполненіе. Изъ гражданства выбирали присяжныхъ судей, которые давали сравнительную оцѣнку представленныхъ пьесъ и присуждали преміи. Выставлять хоры было повинностью филъ, корпоративныхъ группъ, на которыя дѣлилось гражданство. Между филами происходило въ этомъ отношеніи своего рода состязаніе: наилучше обученные хоры, имѣвшіе наибольшій успѣхъ въ представленіи, получали почетную награду въ силу публичнаго приговора и признанія.

Всѣ эти декламаторы и музыканты, заучивавшіе массу стиховъ,

исполнявшіе все новыя и новыя мелодіи, двигавшіеся стройными хоро-
водами, были мелкіе винодѣлы, лавочники, разносчики, ремесленники,
моряки и т. п. Надо признать, что такая музыкальная и поэтическая
развитость народа—нѣчто совершенно исключительное и нигдѣ боль-
ше не повторившееся; притомъ способность къ художественному выпол-
ненію предполагаетъ еще одно необходимое условіе, *всеобщую грамот-
ность*, явленіе тѣмъ болѣе для насъ поразительное, что мы ничего
не слышимъ о начальныхъ школахъ для бѣдныхъ классовъ и не мо-
жемъ себѣ отчетливо представить, какъ происходило обученіе гра-
мотѣ. Самый же фактъ засвидѣтельствованъ слѣдующимъ мѣстомъ у
Аристофана. Писатель хочетъ въ комедіи «Всадники» представить въ
лицѣ торговца колбасой верхъ невѣжества и ограниченности простолю-
дина; поэтому колбасникъ признается: «не знаю я никакихъ наукъ и
искусствъ, кромѣ одной грамоты, да и ее съ грѣхомъ пополамъ»¹⁰.
Отсюда видно, что безграмотнаго даже въ сатирѣ нельзя было выво-
дить, такового не было; достаточно смѣшно было показать человѣка,
музыкально и поэтически не развитаго. Просвѣщенность рядового аеи-
нина стоитъ виѣ сомнѣнія. Но она не похожа на то, что мы при-
выкли разумѣть подъ образованностью, и что разумѣлъ авторъ оли-
гархической брошюры, не признававшій школы и воспитанности за
аѣнской толпой. Это не была школьная, специальная выучка, это не
была замкнутая въ учебники и пособія премудрость, преподанная на
урокахъ. Такого рода наука ученыхъ теоретиковъ, наука педагоговъ
появилась въ Аѣнахъ сравнительно поздно, позднѣе, во всякомъ слу-
чаѣ, чѣмъ въ колоніяхъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. Аѣины
Кимоновской эпохи еще совсѣмъ чужды науки, и даже аристократы того
времени, какъ показываетъ примѣръ Кимона, отличались той самой
«необразованностью» и «невоспитанностью», которую олигархъ 425 г.
считаетъ недостаткомъ аѣнскаго демоса. Периклъ чуть ли не первый
прошелъ специальную школу, риторскую и софистическую, какъ бы
сказали позднѣе. Кажется, однако, эта сторона генія Перикла произ-
водила мало впечатлѣнія на аѣнскій демосъ, судя по тому, что подъ
конецъ его политической карьеры его сталъ затмевать Клеонъ, совсѣмъ
неученый ораторъ, приходившійся очень по сердцу аѣинянамъ. Да и
жалобы олигархическаго автора на невниманіе демоса къ воспитанно-
сти и солидности знаній «лучшихъ» подтверждаютъ то же самое. У
аѣнскаго народа была своя культура, находившая величайшее торже-
ство въ Діонисіяхъ; ею онъ увлекался и мало вникалъ въ заграничныя
новинки въ видѣ ли астрономическихъ и физическихъ теорій, или кра-
соты сицилійскаго краснорѣчія.

У него былъ въ Перикловскую эпоху свой любимый поэтъ, чисто-

аѳинскій драматургъ Софокль, авторъ 123 драмъ. Этотъ «Гомеръ драмы» черпалъ изъ богатаго источника мѳологій, искусно драматизировалъ сказанія, не задавался просвѣтительными цѣлями, не старался разъяснять ни природы боговъ, ни характера Провидѣнія, ни міровыхъ загадокъ вообще, былъ далекъ отъ какихъ-либо разрушительныхъ мыслей. Онъ искалъ въ драмѣ лишь трогательнаго, зналъ лишь столкновенія человѣческой воли съ неисповѣдимой судьбой. Софокль долженъ былъ считаться съ сильнымъ отрицательнымъ направленіемъ своего времени. Но онъ отгородилъ себя отъ вольнодумцевъ. Въ одной изъ его пьесъ, есть такія слова: «я утверждаю, что данное положеніе и вообще все, что испытываютъ люди, составляетъ дѣло боговъ; кто не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, пусть остается при своемъ, а я при своемъ»¹¹. Въ самой личной жизни Софокла есть черты, которыя относятъ насъ къ самому глухому и патріархальному почитанію мѣстныхъ героевъ. Онъ былъ жрецомъ бога-цѣлителя Амина, имѣвшаго часовню у подножія аѳинскаго акрополя. Въ качествѣ такового Софокль хлопочетъ о допущеніи на тотъ же священный участокъ чужого героя, цѣлителя Асклепія, когда въ 420 г. его культъ переносится изъ Эпидавра въ Аѳины. Въ свою очередь самого Софокла послѣ его смерти въ награду за это водвореніе божества причли къ святымъ патронамъ околотка, подъ именемъ героя Дексіона, т.-е. «восприѣмника», и ежегодно чтли жертвой и молебствіемъ.

Начало аѳинской ученой школы. Сравнительно долго Аѳины считались въ кругахъ ученыхъ просвѣтителей городомъ неинтереснымъ, невосприимчивымъ къ культурѣ. Одинъ изъ типичныхъ странствующихъ профессоровъ середины V вѣка, Эмпедокль, въ своихъ далекихъ и разнообразныхъ поѣздкахъ такъ и не удосужился посѣтить Аѳины. Но во времени торговаго развитія столицы большой морской державы просвѣтители, ученые, художники, поэты устремляются въ Аѳины, невзирая на провинціальный и сурово-воинственный видъ, который до сихъ поръ показывалъ городъ. Иные пріѣзжали, какъ ходатаи по дѣламъ общинъ, къ которымъ они принадлежали: таковъ былъ Горгій изъ Леонтинъ въ Сициліи, и благодаря его появленію аѳинское общество познакомилось съ знаменитой сицилійской риторикой. Въ новую столицу стремились тѣ изъ союзниковъ, которые почему-нибудь пострадали или не могли устроиться на родинѣ; въ такомъ положеніи былъ Геродотъ, уроженецъ Галикарнаса въ Каріи, аристократъ по происхожденію, бѣжавшій отъ тиранніи въ своемъ родномъ городѣ, убѣжденный поклонникъ Аѳинъ, демократія и Перикла. Иные надѣялись встрѣтить въ Аѳинахъ разнообразную интернаціональную публику, передъ которой они могли прочесть курсъ лекцій; таковъ былъ «софистъ» Протагоръ, повидимому, не столько

самостоятельный ученый, сколько блестящій популяризаторъ въ разнообразныхъ отрасляхъ знанія. Скоро у этихъ заѣзжихъ преподавателей, ученыхъ спеціалистовъ и лекторовъ, теоретиковъ и виртуозовъ образуется своя аудиторія въ Афинахъ. Въ одномъ изъ раннихъ діалоговъ Платона, «Протагоръ», изображено въ необыкновенно яркихъ краскахъ, что значить прїѣздъ въ городъ знаменитаго профессора, какъ осаждается съ утра до вечера домъ богатаго Каллія, гдѣ остановился Протагоръ, какъ его окружаетъ толпа почитателей и слушателей, какъ онъ сначала ведетъ бесѣду, прогуливаясь по обширной галлерей внутри помѣщенія Каллія, какъ, по желанію большинства аудиторіи, лекторъ произноситъ связную рѣчь на модную тему о происхожденіи общежитія и сущности государства и какъ, наконецъ, завязывается споръ съ однимъ изъ мѣстныхъ мастеровъ діалектики, Сократомъ. Въ результатъ лекцій, бесѣдъ и споровъ, принесенныхъ въ Афины чужестранцами, тутъ образуется своя интеллигенція, появляются свои ученые, писатели, лекторы, усвоившіе вполнѣ новое просвѣтительное направленіе: драматургъ Эврипидъ, историкъ Фукидидъ, философъ Сократъ, всѣ одного поколѣнія, вступающаго въ жизнь въ 30-хъ годахъ V вѣка, для Афинъ люди новой складки.

Прїѣзжавшіе въ Афины просвѣтителы и ученые естественно высказывались благопріятно о демократіи. Это понятно: они прибывали въ городъ, гдѣ демократія дѣйствительно могла сослаться на большіе успѣхи и образцовый порядокъ, притомъ къ одобренію демократіи обязывала простая деликатность. Съ другой стороны, только искреннимъ сторонникамъ демократіи стоило появляться въ Афинахъ. Но совершенно иначе оказывалась настроенной ихъ аудиторія въ Афинахъ; здѣсь поклонниками новаго просвѣщенія становились преимущественно люди оппозиціи, скрытые или явные олигархи. Наука, по крайней мѣрѣ, первое время, пошла преимущественно на пользу политической реакціи. Вожди олигархическаго движенія 411 года были ученики софистовъ и философовъ. Съ появленіемъ новаго просвѣщенія связанъ еще одинъ фактъ политической реакціи—религіозные процессы, изъ которыхъ образуется нѣчто въ родѣ инквизиціи въ Афинахъ.

Преслѣдованіе свободы мысли въ Афинахъ. Въ средѣ ученыхъ сложились направленія весьма различныя, и, какъ водится, между ними закипѣла ожесточенная борьба. Ко времени начала Пелопоннесской войны большіе успѣхъ имѣли отрицатели и раціоналисты. Скентикъ Протагоръ училъ о сомнительности существованія боговъ и о томъ, что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей. Пессимистъ Диагоръ отрицалъ вовсе присутствіе божества въ мірѣ на томъ основаніи, что на землѣ нѣтъ справедливаго возмездія людямъ. Смѣлѣе всѣхъ, можетъ быть, оказался

Эврипидъ, рѣшившійся (около 430 года) поставить на аѳинской сценѣ пьесу, которая представляетъ настоящее ниспроверженіе старыхъ священныхъ авторитетовъ, полную религіозную революцію. Въ его «Беллерофонтѣ», по идеѣ похожемъ на байроновскаго Каина, изображенъ борецъ за человѣческія права, бурно вздымающійся противъ небесъ; онъ хочетъ притянуть боговъ къ отвѣту за ихъ правленіе; онъ горько упрекаетъ ихъ за то, что они даютъ счастье и удачу жестокимъ и вѣроломнымъ тираннамъ и въ то же время бросаютъ безъ помощи благочестивыя общины, которыя гибнутъ отъ руки злодѣевъ. «И послѣ этого говорятъ, что на небѣ есть боги? Ихъ нѣтъ тамъ, ихъ нѣтъ, если только люди не хотятъ безумно вѣрить старымъ сказкамъ!»¹².

Ученые консервативнаго толка, безсильные въ теоретической борьбѣ съ рационалистами и отрицателями, обратились къ тому орудію, которое имъ помогало во всѣ времена,—къ свѣтскому мечу. Знатокъ священныхъ древностей и толкователь оракуловъ, Діопейѳъ внесъ въ народное собраніе предложеніе весьма своеобразное, которое повлекло за собой очень тяжелыя послѣдствія. Діопейѳъ предлагалъ судить процессомъ эйсангеліи (примѣнявшимся къ важному государственному преступленію) всѣхъ тѣхъ, кто будетъ обвиняться въ отрицаніи божественныхъ силъ міра или въ изложеніи какихъ-либо астрономическихъ теорій. Пунктъ, касающійся астрономіи, обличаетъ опредѣленную личную нападку. За предложеніемъ Діопейѳа послѣдовалъ рядъ доносовъ и обвиненій противъ святотатцевъ (*ἀσεβούτες*) и между ними процессъ Анаксагора; въ ученіи послѣдняго популярное мнѣніе больше всего выдѣляло именно ту мысль, что солнце не одухотворено живой божественной силой, а образуетъ раскаленную каменную массу. Діопейѳъ, можетъ быть, мѣтилъ не столько въ астрономію, сколько въ даннаго астронома. Анаксагоръ съ трудомъ избѣгъ осужденія на смерть; онъ долженъ былъ выплатить большой штрафъ и уйти въ изгнаніе¹³. Предложеніе Діопейѳа создало для ученыхъ и лекторовъ въ Аѳинахъ очень опасное положеніе. Всякаго рода теоріи о строеніи міра, о роли божественнаго начала и т. п. пользовались теперь лишь фактической терпимостью—до перваго частнаго доноса и обвиненія въ святотатствѣ (*ἀσεβεία*), которое могъ внести любой гражданинъ. Хуже всего было то, что предложеніе Діопейѳа перенесло религіозные процессы на политическую почву. Передъ аѳинскими присяжными обвинитель не могъ приводить сложные ученые аргументы и развивать теоретическія доктрины, рядовому обывателю-геліасту все это было бы неинтересно, непонятно и необъдительно; обвиненіе избирало наиболѣе легкій для себя путь, открывая вопросъ о гражданской благонадежности подсудимаго. Отсюда получились самыя нелѣпыя формы обвиненія. Такъ, напр., «атеиста» Діагора осудили заочно на смерть,

какъ преступника противъ общины, равнаго тираннамъ и сторонникамъ персовъ; опаль его придали общенациональный характеръ; было послано приглашеніе пелопоннесцамъ, чтобы и они приняли участіе въ его преслѣдованіи.

Политическая нетерпимость аѳинскаго демоса, такъ ярко обнаружившаяся во время возстанія на Самосѣ, еще усилилась благодаря появленію процесса по святотатству. У гражданъ создалась привычка и, такъ сказать, дурной вкусъ чутъ всюду измѣну отечеству въ видѣ оскорбленія боговъ. Было бы несправедливо говорить о какомъ-то особенномъ религиозномъ фанатизмѣ народа аѳинскаго. Инквизиція здѣсь, въ Аѳинахъ, такъ же какъ потомъ въ средневѣковой Европѣ, составляла вовсе не результатъ народнаго суевѣрія, а сознательное, злостное созданіе ученой братіи, которая во взаимной борьбѣ пользовалась предрасудками народа, не раздѣляя ихъ, но стараясь увеличить ихъ разрушительную силу.

Великая Пелопоннеская война и ея историкъ. При заключеніи Тридцатилѣтняго мира стороны, повидимому, серьезно думали о приостановкѣ всякой вражды и успокоеніи Греціи: большое междоусобіе 459—446 г., нанесло слишкомъ много вреда всѣмъ и слишкомъ истощило всѣ участвовавшіе въ войнѣ кантоны. Но что касается Аѳинъ, этой сдержки хватило на короткій срокъ. Снова сказалась воинственность безпкойной и неутомимой демократіи. Пелопоннесцы, гораздо болѣе пассивные, скоро увидѣли, что Аѳины возобновляютъ свою политику имперіализма, хотя и нѣсколько другими средствами и съ другого конца. Факты говорили здѣсь какъ нельзя болѣе отчетливо. Аѳиняне безусловно завладѣли выходомъ въ Черное море, а понтійскія области были очень важны для хлѣбоснабженія греческихъ странъ вообще; въ частности этотъ захватъ затрогивалъ интересы одного изъ членовъ пелопоннескаго союза, Мегары, которая была метрополіей Византіи. Между тѣмъ аѳиняне приступили къ задачѣ болѣе важной для ихъ объединительной программы, къ овладѣнію западными путями въ Италію и Сицилію. Непосредственно они задѣвали другую пелопоннескую общину, богатый торговый Коринѣъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грозили охватить своей торговой монополіей весь полуостровъ. Новая политика Аѳинъ была опаснѣе для Пелопоннеса, чѣмъ открытыя нападенія 50-хъ годовъ, въ томъ смыслѣ, что Аѳины дѣлали приобрѣтенія, не нарушая договоровъ, а общины, связанныя съ Спартой, и сама Спарта ничего не могли противопоставить равнаго: онѣ не обладали ни такой сосредоточенной силой, ни финансами, ни великолѣпной новой морской техникой Аѳинъ, ни ихъ энергіей и предприимчивостью. Безсильные вести коммерческую войну, но сознавая, что Аѳины все болѣе стягиваютъ вокругъ нихъ желѣзное кольцо, пелопоннесцы силою вещей вынуждены были идти

на открытую подлинную войну. Трудно было для этой цѣли раскатать тяжеловѣсный аппаратъ Пелопоннескаго союза, а также нелегко вызвать Аѣны на новую войну, и мы видимъ, что около двухъ лѣтъ (433—431) уходитъ на усилія пелопоннесцевъ создать casus belli, привести очевидныя для всей Греціи доказательства нарушенія аѣнскими договоромъ 446 года.

Едва ли есть въ исторіи война, подготовку къ которой мы такъ хорошо знаемъ, какъ въ данномъ случаѣ. И ни одной войнѣ вообще такъ не посчастливилось въ смыслѣ литературнаго изображенія. Она имѣетъ своего лѣтописца, одного изъ крупнѣйшихъ гениевъ историческаго мастерства. Великія переживанія Пелопоннеской войны, можно сказать, сформировали умъ и талантъ Фукидиду; въ свою очередь историкъ создалъ смыслъ и связь событій важнѣйшей борьбы, происходившей въ греческомъ мірѣ. Вѣдь то, что мы называемъ двадцатисемилѣтней Пелопоннеской войной (431—404), очень явственно распадается на двѣ большія войны 431—421 гг. и 415—404 гг., раздѣленные перемиріемъ и остановкой враждебныхъ дѣйствій между Спартой и Аѣнами; и только благодаря Фукидиду, который считаетъ событія промежуточныя (421—415 гг.) продолженіемъ борьбы, тѣсно скрѣпляющимъ оба періода, только благодаря его историческому построенію, мы усвоили и повторяемъ условный терминъ одной великой Пелопоннеской войны. Подъ впечатлѣніемъ колебаній и трагическихъ событій этой борьбы возникла Фукидидова философія исторіи. Все въ его трудѣ глубоко интересно: его общее построеніе греческой исторіи, его изображеніе роста аѣнской державы, его разсужденія о ближайшихъ поводахъ и отдаленныхъ причинахъ войны, его соображенія о силахъ и шансахъ противниковъ, его характеристики, въ особенности, когда дѣло идетъ о личности и политикѣ Перикла, драматическія картины отдѣльных эпизодовъ войны и затѣмъ моральнаго состоянія общества, вызваннаго войной, наконецъ, его своеобразная манера влагать свои собственныя сужденія и оцѣнки въ уста дѣйствующихъ лицъ и распредѣлять ихъ между монологами, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ единственнымъ въ своемъ родѣ стилемъ рельефныхъ противоположеній, незабываемыхъ оукидидовскихъ чеканенныхъ словъ. Фукидидъ глубоко любитъ свои Аѣны, но онъ не сторонникъ демократіи. Сложность аѣнской культуры, нервное напряженіе, увлеченіе театромъ и политическимъ краснорѣчіемъ, сила мысли и горячность слова, характерныя для этой бурной поры аѣнскаго общества, ни въ комъ не отразились такъ ярко, какъ въ немъ.

Вся предшествующая исторія Греціи (I, 2—20) кажется Фукидиду какъ бы подготовкой аѣнской державы съ ея господствующимъ на моряхъ флотомъ, крупной финансовой силой и широкимъ размахомъ

предпріятій. Онъ рассказываетъ (I, 88—118) о ростѣ аѳинской мощи послѣ греко-персидскихъ войнъ, о политикѣ ея организаторовъ,Themistocles и Перикла, о неизбежности подчиненія Аѳинамъ союзныхъ общинъ для того, чтобы притти къ историческому выводу, въ которомъ заключено вмѣстѣ истинное и вѣрнѣйшее *основаніе* (πρόφασις) войны: аѳинская держава стала такъ сильна, что, внушая страхъ Спартѣ, вынудила эту общину, при всей ея косности, организовать Аѳинамъ отпоръ. Это сужденіе современнаго наблюдателя и участника событій для насъ необыкновенно интересно. У Фукидида нѣтъ ни пристрастія къ родному городу, ни близорукаго исканія ближайшихъ виновниковъ войны. Столкновеніе было неизбежно, и оно задолго подготовлено всеѣмъ ходомъ вещей. Фукидидъ прибавляетъ, что выдвинутое имъ главное основаніе (*причина* войны, какъ мы бы сказали) по большей части не высказывалось, оставалось скрытымъ. Другое дѣло непосредственные *поводы* (αίτια) борьбы; они были видны современникамъ, но историкъ считалъ нужнымъ изложить ихъ подробно для того, чтобы потомкамъ уже не приходилось съ трудомъ наводить изслѣдованіе о началѣ крупнѣйшей войны въ Греціи ¹⁴.

Все эти общія различія и опредѣленія у Фукидида великолѣпны и не оставляютъ желать ничего лучшаго отъ историка. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, какъ онъ понималъ свою задачу и свое положеніе: онъ первый пишетъ исторію современности, его произведеніе основано «не на свѣдѣніяхъ, добытыхъ у случайныхъ лицъ и взятыхъ на вѣру, а либо на собственныхъ переживаніяхъ, либо на разсказахъ другихъ современниковъ, провѣренныхъ со всею тщательностью въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Изслѣдованіе было трудно, потому что свидѣтели отдѣльныхъ происшествій не одинаково о нихъ разсказывали, смотря по своей симпатіи къ той или другой сторонѣ, или сообразно тому, что у кого осталось въ памяти. Лишенный всякой фантастичности, мой разсказъ покажется для слушателя (мы бы сказали «для чтенія») мало занятнымъ. Но мнѣ достаточно того, что это изложеніе найдутъ полезнымъ все тѣ, кто захочетъ познать достовѣрное прошлое и также будущее, а оно, согласно законамъ челоѳеческаго бытія, должно сложиться или одинаково, или близко похоже на пережитое. Моя книга сработана, чтобы быть вѣчнымъ приобрѣтеніемъ, а не блестящей злободневной картиной для удовольствія слушателей».

Столкновеніе Аѳинъ и Коринѳа ¹⁵. Ближайшими причинами войны Фукидидъ считаетъ двѣ группы *событій*, разыгравшихся въ западныхъ водахъ Греціи и на сѣверѣ въ Халкидикѣ.

У Коринѳа на западѣ былъ цѣлый рядъ колоній, Амбракія на берегу Акарнаніи, островъ Коркира и совмѣстно съ Коркирой основан-

ный на эпирскомъ берегу Эпидамнъ (теперь Дураццо въ Албаніи). Сильная флотомъ Коркира давно отдѣлилась отъ Коринѳа. Въ срединѣ 30-хъ годовъ Коркира поссорилась съ Коринѳомъ изъ-за Эпидамна, гдѣ народъ изгналъ олигарховъ, при чемъ они искали помощи у Коркиры, а демосъ обратился къ Коринѳу. Коринѳъ выслалъ къ Эпидамну флотъ, который былъ разбитъ коркирейцами. Несмотря на побѣду, Коркира оказалась въ критическомъ положеніи, такъ какъ Коринѳъ, которому угрожала потеря всей торговли съ западомъ, сталъ готовить новое нападеніе. Коркира вынуждена была обратиться къ Аѳинамъ и просить о принятіи ея въ морской союзъ. Одновременно съ делегатами отъ Коркиры въ Аѳины прибыли послы Коринѳа. Въ качествѣ общины чисто-торговой Коринѳъ избѣгалъ войны до послѣдней степени. Надо замѣтить, что раньше Коринѳъ, несмотря на всякія тренія, всегда старался держаться добрыхъ отношеній съ Аѳинами. Въ сущности Коринѳу Аѳины обязаны были тѣмъ, что на конгрессѣ пелопоннесцевъ въ 440 году было рѣшено не подавать помощи возставшимъ самійцамъ.

Дебаты, происходившіе лѣтомъ 433 года въ аѳинскомъ народномъ собраніи по вопросу о принятіи Коркиры въ союзъ, были очень продолжительны и бурны. Въ нихъ обнаружилось, насколько сильна количественно, хотя и не организована, оппозиція империалистической политикѣ Перикла. Сельская Аттика не хотѣла войны и боялась ея, такъ какъ теперь, послѣ отдачи Мегары въ 446 г., страна была изолирована и не защищена. Сначала народное собраніе, очевидно, подъ давленіемъ этой партіи, отклонило просьбу Коркиры. Но империалисты, строившіе планы овладѣнія западными путями, добились новаго собранія, и здѣсь, вѣроятно, подъ давленіемъ Перикла, было рѣшено принять Коркиру въ союзъ; для того, чтобы формально сохранить миръ съ Пелопоннесомъ и не нарушить условій договора 446 года, съ Коркирой заключили только эпитахию, оборонительный союзъ. Въ сущности, однако, это рѣшеніе аѳинской экклесіи опредѣлило начавшуюся два года спустя Пелопоннесскую войну.

Послѣ долгихъ приготовленій Коринѳъ двинулъ на Коркиру очень крупный флотъ, 170 триеръ; аѳиняне ограничились присылкой въ западныхъ водахъ небольшой наблюдательной эскадры. При Сиботскихъ островахъ, близъ Коркиры и берега Эпира, произошло сраженіе, по словамъ Фукидида, самая большая изъ битвъ, бывшихъ до тѣхъ поръ между греками. Коринѳяне и коркирейцы бились старыми способами; ни тѣ, ни другіе не умѣли маневрировать кораблями по приемамъ, выработаннымъ въ послѣднее время аѳинянами; оба противника, помѣстивъ на свои суда стрѣлковъ и копейщиковъ, сцѣплялись бортами и бились, какъ на сушѣ. Коринѳяне, болѣе многочисленные, наwerbоав-

шіе лучшихъ гребцовъ, между прочимъ въ приморскихъ общинахъ аѳинскаго союза, одержали полную побѣду; но въ рѣшительный моментъ вмѣшалась аѳинская эскадра и принудила коринтянъ къ отступленію, не давши имъ разгромить Коркиру. Аѳиняне не преслѣдовали коринѳскаго флота, между кораблями тѣхъ и другихъ не было прямого столкновѣнія, и формально пелопоннесцы не могли считать себя затронутыми. Но по существу Аѳины создали великій ущербъ Коринѳу, сдѣлавши сами важное пріобрѣтеніе. Быстро на западѣ открывалась одна перспектива за другой; Аѳины заключили союзъ съ полудикими акарнанцами, которые желали вытѣснить утвердившихся на ихъ берегу коринѳскихъ колонистовъ. Затѣмъ города Леонтины въ Сициліи и Регій на южной оконечности Италіи, у Мессинскаго пролива, опасаясь объединительныхъ стремленій Сиракузъ, заключили съ Аѳинами оборонительный союзъ. Аѳины протягивали цѣпь своего господства на самый край западной Греціи. И опять это былъ ударъ по сферѣ коринѳскаго вліянія, такъ какъ Сиракузы составляли колонію Коринѳа, всегда находившуюся въ близкихъ отношеніяхъ съ метрополіей.

Стараясь отомстить Аѳинамъ, Коринѳ воспользовался затрудненіями, возникшими въ самомъ слабомъ мѣстѣ державы, именно въ Халкидикѣ, граничившей съ Македоніей и Фракіей. Здѣсь на перешейкѣ, соединяющемъ выступъ Паллене съ большимъ полуостровомъ Халкидикой, расположена была Потидея, колонія Коринѳа. Потидея служила посредникомъ для торговли Коринѳа съ Македоніей и сохраняла тѣсныя связи съ метрополіей, откуда присылали даже главногo сановника города, эпидеміурга; въ то же время Потидея, въ качествѣ общины, принадлежавшей аѳинской державѣ, платила форося. Около времени битвы при Сиботахъ аѳиняне, подозрѣвая невѣрность Потидей, потребовали, чтобы городъ разорвалъ связь съ Коринѳомъ, отослалъ назадъ эпидеміурга, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдалъ заложниковъ и сломалъ стѣну, защищавшую его со стороны перешейка и моря, т.-е. предоставилъ себя въ полное распоряженіе Аѳинъ. Вмѣсто того Потидея рѣшила отложиться. Ея послы появились въ Спартѣ и получили обѣщаніе, что въ случаѣ возстанія пелопоннесцы вторгнутся въ Аттику и отвлекутъ силы Аѳинъ отъ Халкидики. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Коринѳ снарядили въ помощь колоніи большой отрядъ добровольцевъ. Аѳиняне двинули къ Потидеѣ флотъ и войско. Имъ удалось разбить пелопоннесцевъ и залереть ихъ въ стѣнахъ Потидей, а также обложить городъ и отрѣзать отъ моря; но сама осада затянулась. Коринѳ, правда, создалъ Аѳинамъ большое затрудненіе, однако въ то же время не могъ не испытывать безпокойства за своихъ согражданъ, заключенныхъ въ стѣнахъ Потидей.

Къ двумъ ближайшимъ поводамъ великой войны, которые приводитъ Фукидидъ, надо прибавить еще третій. Со времени уступки Мегары въ 446 году Аѳины старались вернуть себѣ вліяніе въ этой небольшой, пограничной съ Атикой, области: она была важна и какъ путь изъ Пелопоннеса въ Среднюю Грецію, и какъ прямой выходъ въ Коринѳскій заливъ, избавляющій отъ необходимости объѣзжать кругомъ Пелопоннеса. Чтобы оказать давленіе на Мегару, аѳиняне закрыли свой рынокъ ея продуктамъ; другимъ постановленіемъ они еще усилили свой запретъ, закрывши Мегарѣ доступъ ко всѣмъ союзнымъ городамъ. Маленькому кантону, существовавшему огородничествомъ и выдѣлкой шерстяныхъ матерій, грозилъ полный экономическій банкротъ и голодъ. Для Коринѳа получилась новая опасность уже совѣмъ близко: если Мегара сдастся Аѳинамъ, могущественная держава подвинется къ самымъ стѣнамъ Коринѳа и окончательно загородитъ ему всю торговлю съ западомъ.

Коринѳяне, мегаряне, а вмѣстѣ съ ними эгинеты, которыхъ тѣснили аѳиняне, бросились съ жалобами къ главѣ Пелопоннесскаго союза, Спартѣ, стараясь поднять малоподвижную, консервативную общину противъ безпокойнаго, быстро усиливающагося врага.

Переговоры между Спартой и Аѳинами ¹⁶. Фукидидъ подробно передаетъ дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе объявленію войны, и мы читаемъ любопытнѣйшія страницы греческаго международного права, узнаемъ, можетъ быть, одну изъ самыхъ своеобразныхъ сторонъ античной культуры вообще. Мы видимъ, какъ въ теченіе очень долгаго времени идетъ споръ о правѣ; точно на судѣ разбирается вопросъ объ истинномъ характерѣ международныхъ договоровъ, о томъ, произошло ли нарушеніе ихъ, и о томъ, кто первый нарушитель. Вотъ ужъ, дѣйствительно, народъ-законникъ передъ войной разыгрываетъ по всей формѣ судебное состязаніе! Ни одна сторона не хочетъ взять на себя почина въ объявленіи войны, такъ какъ война представляется, прежде всего, въ видѣ разрыва договора 446 года: каждый изъ двухъ противниковъ старается доказать, что въ такомъ разрывѣ виновать другой. И, наконецъ, весь этотъ процессъ происходитъ среди полной публичности; вся Греція составляетъ аудиторію, присутствующую на судѣ; дипломатическіе вопросы рѣшаются и въ Аѳинахъ, и въ Спартѣ на общихъ собраніяхъ всѣхъ гражданъ. При всемъ томъ сколько адвокатской казуистики, какое большое мѣсто отдается турнирамъ краснорѣчія, разнымъ судебнымъ эффектамъ, внезапнымъ выпадамъ, рассчитаннымъ на впечатлѣніе въ посторонней публикѣ!

Лѣтомъ 432 года въ Спартѣ собрались представители многихъ союзныхъ городовъ. Громко жалуясь на аѳинянъ, коринѳяне, мегаряне и

эгинеты старались доказать, что Аѳины нарушили трактатъ 446 года и побудить Спарту къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ Спартѣ сторонники и противники войны приблизительно дѣлились поровну. Эффоры созвали общее собраніе спартіатовъ и пригласили делегатовъ Пелопоннескаго союза, а также аѳинскихъ пословъ, которые въ это время находились въ Спартѣ. Аѳиняне доказывали, что договоры не нарушены, что Спартѣ не надлежитъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла ихъ союза, а, впрочемъ, предлагали третейскій судъ по спорнымъ дѣламъ, какъ было предусмотрено въ трактатѣ 446 года. Вслѣдъ за рѣчами сторонъ, удаливъ всѣхъ иногороднихъ, и аѳинянь, и пелопоннесцевъ, спартапцы начали совѣщаніе. Консерваторы, и во главѣ ихъ старый царь Архидамъ, герой событій 464 года, были за отсрочку рѣшительныхъ дѣйствій; если война неизбежна вообще, то въ виду подавляющей силы Аѳинъ на морѣ, ихъ техники и огромныхъ средствъ Архидамъ совѣтовалъ равнѣе заняться обширной подготовкой и вооруженіемъ Пелопоннеса. Новаторы, преимущественно военная молодежь, настаивали на немедленномъ вмѣшательствѣ Спарты. Эффоръ Сеенеладъ приступилъ къ голосованію. По обычаю спартапцы отвѣтили на его вопросъ крикомъ. Но эффоръ заявилъ, что не можетъ рѣшить на слухъ, на чьей сторонѣ большинство; онъ вновь поставилъ вопросъ, и притомъ въ такой формѣ: нарушенъ ли договоръ и виновны ли аѳиняне въ его нарушении? Онъ предложилъ участникамъ собранія разойтись на двѣ стороны, и тутъ обнаружился перевѣсъ воинственной партіи. Однако, война не была объявлена; дипломатическія сношенія съ Аѳинами продолжались, частныя дѣла и поѣздки происходили также безъ всякихъ затрудненій.

Медлительность Спарты совсѣмъ не удовлетворяла коринѳянь; они стали агитировать среди пелопоннесцевъ и добились созыва общаго конгресса союзныхъ общинъ въ Спартѣ. Здѣсь аркадіяне высказались противъ войны; они считали затронутыми интересы лишь однихъ приморскихъ городовъ и не хотѣли за нихъ биться. Тогда коринѳяне поставили имъ на видъ, что безъ приморскихъ городовъ внутреннія области пропали; куда онѣ доставятъ свой урожай, и откуда онѣ получать необходимый привозъ, какъ не черезъ приморскіе города? Коринѳяне искусно ввели еще болѣе общій мотивъ: всей Элладѣ грозитъ тиранія одного города; надо общими силами напасть на Аѳины и смирить ихъ; тогда союзники сами обезпечатъ себѣ миръ и спокойствіе и освободятъ поработенныхъ нынѣ грековъ.

Хотя конгрессъ высказался за войну, и къ его голосу присоединился Дельфійскій оракулъ, Спарта все еще не рѣшалась дѣйствовать: подъ вліяніемъ консерваторовъ она еще разъ попробовала путь пере-

говоровъ. Требования ея, однако, поразительны и на первый взглядъ кажутся бредомъ фантазіи среди столкновения реальнѣйшихъ интересовъ. Не упоминались ни Потидея, ни Мегара; спартанцы настаивали на изгнаніи изъ Аѳинъ лицъ, на которыхъ тяготѣетъ проклятіе за святотатственное убійство Килона и его свиты, происшедшее за 200 лѣтъ до того: разумѣлись Алкмеониды, т.-е. Перикль. Здѣсь, подъ видомъ религиозно-дипломатической демонстраціи, крылся очень опредѣленный расчетъ. Въ это время въ Аѳинахъ противники Перикла организовали противъ близкихъ ему людей, его жены Аспасіи, ученаго Анаксагора и художника Фидія, рядъ процессовъ по обвиненію въ безбожии; по-видимому, они добивались до самого всемогущаго демагога, и вотъ имъ-то подавали спартанцы руку въ надеждѣ на внутренній переворотъ и сверженіе Перикла. Рядомъ съ этимъ новое посольство, прибывшее изъ Спарты, выставило дѣловую программу: спартанцы требовали снять осаду Потидеи, освободить Эгину и отмѣнить запретъ торговли съ Мегарой; въ концѣ-концовъ они настаивали только на последнемъ. Дебаты въ аѳинскомъ народномъ собраніи и вращались около этого пункта. Перикль доказывалъ, что отмѣнить мегарскую псефизму (рѣшеніе народа) совершенно невозможно; это значитъ открыть путь для новыхъ требованій враговъ, а главнымъ образомъ—обнаружить слабость Аѳинъ передъ союзниками и подданными. Рѣшеніе аѳинянъ было опять въ духѣ тогдашней дипломатіи: въ отвѣтъ на требованіе объ изгнаніи святотатцевъ, они предложили спартанцамъ наказывать убійцъ Павсанія, нарушившихъ права священнаго убѣжища. По существу это было отклоненіе спартанскихъ требованій и готовность воевать. Можно думать, что война была рѣшена голосами промышленныхъ предпринимателей, судовладѣльцевъ, моряковъ и городской демократіи, говоря по-старому, паралии и деміурговъ, противъ геоморговъ, массы сельскаго населенія, которому грозило непосредственно нашествіе сильнаго на сухопутьѣ врага въ незагороженную съ перешейка Аттику.

Мнѣнія современниковъ о причинахъ и виновникахъ войны. И въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ имѣлась сильная партія сторонниковъ мира; ихъ вліяніемъ объясняется долгая затяжка переговоровъ, не разъ подававшихъ надежду на полюбовное соглашеніе. Собственно рѣшеніе исходило отъ Аѳинъ; здѣсь военная партія съ Перикломъ во главѣ была относительно сильнѣе, чѣмъ соотвѣтствующая ей группа въ Спартѣ. Каковы были ея мотивы?

Современниковъ очень занималъ вопросъ, на кого падаетъ отвѣтственность за гибельное для всей Греціи междоусобіе. Великій противникъ войны, Аристофанъ, бросаетъ Периклу прямое обвиненіе; по его

словамъ, вслѣдъ за процессомъ Фидія, Перикль, страшась народнаго гнѣва, чтобы избѣгнуть отвѣтственности, метнулъ малую искру мегарской псефизмы, чѣмъ и повергъ городъ въ великій пожаръ; онъ раздулъ военное пламя, дымъ котораго развѣлъ людямъ глаза и наполнилъ ихъ слезами¹⁷. Еще шире развиваетъ эту мысль Плутархъ, ссылаясь на мнѣнія «многихъ» современниковъ войны: религиозно-политическіе процессы послужили какъ бы предостереженіемъ Периклу; угрожаемый внутренними врагами, онъ сталъ искать спасенія въ военной авантурѣ. Плутархъ, впрочемъ, прибавляетъ: что здѣсь правда, остается неизвѣстнымъ. Повидимому, мы имѣемъ дѣло въ этихъ сужденіяхъ съ неправильной перестановкой фактовъ. Въ дѣйствительности не процессы заставили Перикла добиваться войны, а, напротивъ, его воинственная политика принудила противниковъ, олигарховъ и вождей сельской партіи, искать средствъ, чтобы свергнуть его. Перикль и его сторонники должны были хорошо понимать, что политическая система, направленная къ торговому охвату и экономическому подчиненію Пелопоннеса, грозитъ вызвать войну. Сами они, разумѣется, не хотѣли ускорять вооруженное столкновение: «мирныя приобрѣтенія» были, безъ сомнѣнія, выгоднѣе, и слѣдовало стараться вести ихъ какъ можно дольше. Но поскольку дѣло шло о мегарскомъ вопросѣ, господствующая партія не могла и уступить; это была не пустая придирка противниковъ и не «малая искра». Запретъ, положенный на Мегару, составлялъ начало большой торговой войны, задуманной противъ Пелопоннеса. Можетъ быть, расчеты Перикла состояли въ слѣдующемъ. Подъ давленіемъ экономической нужды Мегара должна будетъ сдать Аѣнамъ; тогда откроется прямой выходъ изъ Аттики къ Коринѣскому заливу; аѣняне перегородятъ Спартѣ сообщеніе черезъ Истмъ со Средней Греціей и, слѣдовательно, выиграютъ стратегическое положеніе до открытія военныхъ дѣйствій.

Если такое объясненіе вѣрно, вопросъ о виновникахъ войны получаетъ иное освѣщеніе. Намъ не столько любопытно выяснить мотивы, которые двинули руководителей аѣнской политики къ объявленію войны, сколько опредѣлить степень ихъ увѣренности въ конечной побѣдѣ Аѣнѣ, когда они рѣшились на открытіе военныхъ дѣйствій. Фукидидъ въ этомъ смыслѣ не имѣетъ колебаній. Перикль, по его мнѣнію, предусматривая неизбѣжность войны, превосходно заготовилъ все, что нужно было, для осторожнаго и упornaго ея веденія. Неудачный поворотъ войны, по мнѣнію историка, получился оттого, что преемники Перикла не исполнили одного изъ важнѣйшихъ совѣтовъ организатора: они слишкомъ спѣшили съ нападеніями, слишкомъ разбрасывали силы аѣнской державы¹⁸. Мы увидимъ потомъ, что Фукидидъ былъ неправъ,

и что поражение Афинъ было обусловлено не ошибками политиковъ, слѣдовавшихъ за Перикломъ, такъ какъ они въ сущности продолжали его планы, а выступленіемъ новыхъ неожиданныхъ враговъ, обновленной воинственной Спарты, вновь организованныхъ Сиракузъ и, наконецъ, персидскаго государства. Но если мы не можемъ согласиться съ общей характеристикой афинскихъ политиковъ у Фукидида, для насъ остаются крайне интересными его соображенія о перевѣсѣ Афинъ надъ врагами въ начальный моментъ войны. Къ его обзорѣ силъ и шансовъ обоихъ противниковъ надо прибавить лишь нѣсколько словъ о международныхъ отношеніяхъ.

Силы противниковъ и планы борьбы. Съ дипломатической стороны Спарта имѣла рѣшительный перевѣсъ. Какъ только выяснилась неизбежность войны, Спарта заключила дружбу со среднегреческими областями, Беотіей, Локридой и Фокидой, и онѣ вступили въ Пелопоннесскій союзъ. Афины остались совершенно изолированы въ европейской Греціи, и Атикѣ грозила опасность съ обоихъ сухопутныхъ фланговъ. Далѣе, Спарта выставила знамя освобожденія грековъ отъ афинской тиранніи; у нея былъ звучный идеалистическій кличъ борьбы, а къ тому же еще прямые виды на возможность возмущенія среди союзниковъ афинской державы.

Матеріальныя средства и организація противниковъ великолѣпно охарактеризованы у Фукидида, по обыкновенію, въ нѣсколькихъ рѣчахъ, которыя вложены въ уста дѣятелей и участниковъ войны. Спартанскій царь Архидамъ—у Фукидида въ данномъ мѣстѣ актеръ, произносящій драматическій монологъ,—указываетъ спартамцамъ на то, что Атика далеко превосходитъ все другія области плотностью населенія и богатствомъ запасовъ. Онъ развиваетъ дальше мысль, не очень подходящую къ мировоззрѣнію спартамца: война не столько дѣло вооруженія, сколько финансовъ¹⁹. Еще обстоятельнѣе излагаетъ матеріальные расчеты Периклъ въ программной рѣчи передъ народомъ. Вся она построена на сравненіи отсталыхъ общинъ Пелопоннеса, пребывающихъ въ экономической косности, и высоко развитога въ финансовомъ отношеніи афинскаго государства. Пелопоннесцы, говоритъ ораторъ, живутъ работою рукъ своихъ, у нихъ нѣтъ денегъ, нѣтъ сбереженій ни у частныхъ лицъ, ни въ казнѣ; они поэтому не только неспособны къ далекимъ и продолжительнымъ войнамъ, но даже, вслѣдствіе бѣдности, они вынуждены иногда грабить другъ друга. Расходы на войну имъ приходится иногда прямо вырѣзывать изъ своего имущества, между тѣмъ ясно, что запасы гораздо лучше помогаютъ выдержать войну, чѣмъ чрезвычайные, насильственно взыскиваемые налоги (*αὐ βίαιαι ἐσφοραὶ*). Это мѣсто рѣчи формулируетъ какъ бы гарантію, данную Перик-

ломъ богатому классу, что война не грозитъ ему обремененіемъ. Ораторъ думаетъ, что люди, которые живутъ въ натуральномъ хозяйствѣ, и войну ведутъ охотнѣе натурой, лично, чѣмъ на счетъ имущества своего. Но если бы они даже стали собирать деньги, то у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго устройства; все это пошло бы медленно и неувѣренно, а война не ждетъ. Периклъ указываетъ еще одинъ важный факторъ, централизацію аѳинской державы, тѣсно связанную съ возможностью быстро и полномочно распоряжаться финансами. У пелопоннесцевъ нѣтъ единаго авторитетнаго собранія, которое бы энергично и скоро направляло всѣ дѣйствія. Напротивъ, у нихъ слабая федерація; каждая изъ разношерстныхъ общинъ имѣетъ равный съ другими голосъ и защищаетъ настойчиво свой частный интересъ; а изъ этого не можетъ получиться ничего цѣлаго и законченнаго. Наконецъ, Периклъ ссылается на высокій культурно-технической уровень аѳинянь, который даетъ имъ громадный перевѣсъ въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ и особенно въ морскомъ дѣлѣ. Если есть отрасль, требующая искусства и систематическаго упражненія, такъ это мореходство; имъ нельзя заниматься между прочимъ, надо отдаться ему цѣликомъ, а остальные пелопоннесцы на это неспособны ²⁰.

По изложенію Фукидида можно составить себѣ ясное понятіе о стратегическомъ планѣ аѳинянь, который былъ въ сущности продолженіемъ ихъ системы изоляціи Пелопоннеса и экономическаго охвата всей европейской Греціи. Смыслъ его можно изложить слѣдующимъ образомъ. Сельская территорія Аттики приносится въ жертву, какъ во времена персидскаго нашествія. Аѳины превращаются въ большую неприступную крѣпость, какъ бы островъ, свободно сообщающійся моремъ со всѣми имперскими владѣніями. Въ Аѳинахъ и Пиреѣ, двойной огромной крѣпости, сосредоточены всѣ военныя и финансовыя средства: ополченіе, флотъ, верфи для постройки кораблей, складъ оружія, казна и денежные запасы. Изъ этого огромнаго военнаго центра совершается нападеніе; такъ какъ сухопутныя силы противника несравненно больше аѳинскихъ, то встрѣчи на сушѣ надо избѣгать; на морѣ, напротивъ, господство должно быть безусловно удерживаемо. Аѳины сохраняютъ весь свой подвозъ и доступъ къ подчиненнымъ общинамъ; въ качествѣ главной и непосредственной военной цѣли надо поставить блокаду Пелопоннеса, которая должна служить вымариванію противника до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ просить мира. Проведеніе этого плана было связано съ крупнѣйшимъ кризисомъ въ жизни самой Аттики. Надо было заставить сельское ея населеніе бросить свои земли и сады на разграбленіе врагамъ и переселиться внутрь Аѳинъ, Пирея и Длинныхъ стѣнъ. Фукидидъ изображаетъ картину разоренія страны,

какъ изъ деревень увозятъ семьи, всю нужную утварь, сдираютъ съ домовъ деревянную обшивку, отсылаютъ на острова мелкій скотъ и выючныхъ животныхъ; переселеніе очень тяжело отозвалось на аеинянахъ, такъ какъ они по большей части привыкли жить въ деревнѣ; въ этомъ отношеніи аеиняне съ древнѣйшихъ временъ выдѣлялись передъ всѣми другими; передвиженіе вызвало у нихъ поэтому крайнее раздраженіе; покидая дома и святыни, которые въ силу стариннаго строя казались точно родовыми ихъ владѣніями, мѣняя весь свой обиходъ, они какъ будто утрачивали свою родину. Виноградари и оливководы должны были идти на полное разореніе и притомъ безъ надежды на скорую поправку, даже съ заключеніемъ мира. Надо имѣть въ виду, что врагъ, опустошая страну, прежде всего срубалъ оливки, а эти деревья при новой посадкѣ начинали давать сколько-нибудь стоящій вниманія сборъ плодовъ лишь на 16-ый или 18-ый годъ. Деревня подчинялась необходимости, перебиралась въ городъ, но ходъ кампаніи, ежегодныя вторженія пелопоннесцевъ сдѣлали сельскую Аттику злѣйшимъ врагомъ войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточеннымъ противникомъ городской демократіи, которая, напротивъ, отъ войны ничего не теряла, но могла ожидать всякихъ выгодъ. Такимъ образомъ, планъ войны составлялъ дальнѣйшее развитіе морской Аттики, какъ оно было намѣчено Темистокломъ, и окончательное приниженіе Аттики сельской.

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ открывалась война, вопросы продовольствія получали для Аеинъ первостепенное значеніе. Обладая проливами, аеиняне держали въ рукахъ всю черноморскую торговлю. Для того, чтобы одновременно закрыть доступъ понтійскаго хлѣба въ Пелопоннесъ и направить его въ Аттику, учредили комиссію «стражей пролива» (Ἐλλεσποντοφύλακες), которая заняла наблюдательный постъ въ Византіи. Весь хлѣбъ, проходившій черезъ Византію изъ Чернаго моря, долженъ былъ направляться въ Пирей; въ аеинской гавани отбирали $\frac{2}{3}$ для главнаго города, и только $\frac{1}{3}$ могла пойти на вывозъ въ союзные города. Особая «хлѣбная охрана» (σιτοφύλακες) была поставлена для того, чтобы вести контроль надъ хлѣбо-торговцами и удерживать низкія цѣны²¹.

Начало десятилѣтней войны. Война началась съ нападенія еиванцевъ на Платеи. Этотъ небольшой городъ былъ единственной общиной, не присоединившейся къ беотійскому союзу и крѣпко примкнувшей къ Аеинамъ. Нападеніе на Платеи составляло хорошо рассчитанный и важный шагъ: укрѣпленный пунктъ господствовалъ надъ узломъ путей, ведущихъ изъ Беотіи въ Аттику и Мегару: взятіе Платей открыло бы дорогу еиванцамъ въ Аттику и освободило бы сношенія между пелопоннесцами и ихъ среднегреческими союзниками. Опе-

рація, однако, не удалась. Оиванцы попробовали взять Платей хитростью, войдя въ городъ въ бурную темную ночь по соглашенію съ платейскими олигархами, которые открыли имъ ворота; но платейскій демось успѣлъ собраться на улицахъ; вторгнувшихся оиванцевъ частью перебили, частью взяли въ плѣнъ. Оивы предложили Платеямъ миръ на условіи дарованія жизни плѣннымъ; несмотря на то, что они обмѣнялись клятвами, ожесточившійся платейскій народъ послѣшилъ казнить захваченныхъ и лишилъ себя самъ драгоцѣнныхъ заложниковъ. Нападеніе на Платей было рѣзкимъ нарушеніемъ не только опредѣленныхъ договоровъ, но и вообще международного права грековъ, если вспомнить, что городъ за свое геройство противъ персовъ получилъ въ 479 году гарантію неприкосновенности отъ національнаго союза всего эллинства. Кровавый отвѣтъ платейцевъ какъ бы опредѣлилъ общій тонъ дальнѣйшей войны. Кипѣніе злобы, непримиримость, нарушение клятвъ и договоровъ характеризуютъ великое греческое междоусобіе.

Весною 431 года собрались на Истмѣ пелопоннесцы, по $\frac{2}{3}$ ополченія каждой изъ союзныхъ общинъ, и подъ начальствомъ стараго царя Архидама приблизились къ границѣ Аттики. Война все еще не была объявлена; спартанскій царь отправилъ парламентаря въ Аѣны съ ультимативными предложеніями. Но спартанскаго вѣстника не допустили въ городъ и потребовали, чтобы въ теченіе сутокъ онъ покинулъ территорію Аттики. Народъ въ Аѣнахъ былъ въ необычайно возбужденномъ настроеніи; между прочимъ оно выразилось въ террористическомъ постановленіи, касавшемся Мегары: стратеги при своемъ избраніи обязаны были дать клятву, что они два раза въ году, при какихъ бы то ни было условіяхъ, совершать опустошительный набѣгъ на Мегару; для хода военной кампаніи эти нападенія, конечно, не имѣли смысла.

Первые годы десятилѣтней (431—421) войны вызывали у большинства историковъ недоумѣніе. Послѣ того, какъ въ обоихъ лагеряхъ такъ долго готовились къ войнѣ, дѣло шло очень вяло, съ той и другой стороны какъ будто бы не видно планомѣрныхъ, рѣшительныхъ дѣйствій. Пелопоннесцы приходятъ два лѣта подъ рядъ (431 и 430 гг.) въ Аттику, опустошаютъ ее, во второй разъ особенно основательно, не встрѣчаютъ сопротивленія, но и не рѣшаются напасть на аѣнскія укрѣпленія. Когда по истеченіи мѣсяца или полутора у нихъ выходитъ провіантъ, они отступаютъ за Истмъ, и отдѣльныя ополченія расходятся по домамъ, каждое въ свой городъ. Не дожидаясь окончанія нашествія, аѣняне отправляютъ въ море эскадру, которая объѣзжаетъ кругомъ Пелопоннеса, мѣстами пытается производить высадки, опусто-

шать маленькіе городки и ловить встрѣчающіяся на пути торговья суда. Но ни первая, ни вторая, болѣе значительная эскадра не достигли выдающихся успѣховъ, не взяли ни одной крѣпости и далеко не осуществили ничего похожаго на блокаду Пелопоннеса.

Паденіе Перикла. Во второй годъ войны на Аѣны обрушилось бѣдствіе, которое, при болѣе рѣшительномъ натискѣ противниковъ, могло бы повести къ совершенному разгрому морской державы. Въ Пирей, а оттуда въ столицу, была занесена съ моря чума; въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, при скученности спертаго осадой населенія, болѣзнь стала жестоко свирѣпствовать. Чума унесла большую часть военной силы Аѣнъ и создала тяжелое нервное состояніе въ городѣ. Въ своемъ отчаяніи аѣнине отправили даже посольство въ Спарту съ мирными предложеніями, которыя, впрочемъ, были отвергнуты. Въ это время вернулись отъ Потидеи слабые остатки посланной незадолго до того экспедиціи: масса десанта была уничтожена чумой, которую на корабляхъ завезли изъ Аѣнъ. Раздраженіе народа выразилось въ жестокихъ нападахъ на Перикла, какъ главнаго виновника войны. Уже отправка посольства въ Спарту была предвѣстіемъ его паденія, такъ какъ Периклъ настаивалъ на продолженіи войны и невозможности уступокъ. Не дожидаясь окончанія года, народъ лишилъ его должности стратега. Затѣмъ одинъ изъ противниковъ Перикла, Драконтидъ, предложилъ подвергнуть его суду за подкупъ и растрату и притомъ въ особенной обстановкѣ, на акрополѣ близъ храма богини-покровительницы, съ алтаря которой судьи должны взять камешки для баллотировки; обвиняемому угрожалъ смертный приговоръ. Сторонникамъ Перикла удалось добиться только отстраненія устрашительной внѣшности процесса. Присяжные въ количествѣ 1.500 человекъ признали Перикла виновнымъ въ злоупотребленіи властью и въ растратахъ, но смягчили наказаніе и приговорили его къ высокому штрафу въ 50 талантовъ. Какими стеченіями обстоятельствъ, какими партійными перестановками можно объяснить паденіе Перикла послѣ диктатуры, продолжавшейся 12 или 13 лѣтъ?

Фукидидъ, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ необычайно кратокъ. У Плутарха нѣтъ никакой послѣдовательности, не видно связи процессовъ противъ друзей Перикла и противъ него самого съ событіями войны. Но у Плутарха есть важное указаніе на участіе среди обвинителей Клеона²²; это обстоятельство ведетъ насъ къ заключенію, что Периклъ былъ свергнутъ случайной коалиціей олигарховъ и сельской партіи, съ одной стороны, а съ другой—радикалами, болѣе крайними, чѣмъ онъ самъ, при чемъ Клеонъ выступалъ отъ имени городского демоса, раздражившагося противъ своего стараго вождя. Кле-

онъ, повидимому, нападалъ на Перикла въ смыслѣ, прямо противоположномъ консерваторамъ, порицалъ за медлительность, требовалъ болѣе рѣшительнаго нападенія.

Паденіе Перикла произошло осенью 430 года. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ началѣ 429 года, его опять возстановили въ должности стратега; но скоро, осенью того же года его сломила уже подстерегавшая злая болѣзнь. Сверженіе Перикла представляетъ фактъ, очень характерный для новаго политическаго настроенія аѳинскаго народа. Сдвинутая осадой, наполненная массой людей разоренныхъ и безсильныхъ поправить свое положеніе, аѳинская демократія становится менѣ устойчивой, менѣ послѣдовательной и болѣе нервной. Съ осужденія Перикла начинаются непрерывные почти процессы стратеговъ, вызываемые подозрительностью демоса; чуть не каждый походъ завершается уголовно-политическимъ процессомъ, и лучшіе адмиралы Аоніи, Форміонъ, Пакхесъ, Эвримедонтъ, кончили свою карьеру судебной катастрофой.

Аѳинскія партіи послѣ Перикла. Не будучи побѣдой одной определенной партіи, сверженіе Перикла не повело къ установленію новой политической системы. Но въ партійныхъ отношеніяхъ тѣмъ не менѣ обозначилась съ его смертью извѣстная перемѣна. Периклъ внушалъ довѣріе богатымъ слоямъ гражданства и соединялъ своей программой какой-то центръ изъ разнообразныхъ элементовъ справа и слѣва. Его гибель ускорила намѣченное войной расхожденіе по двумъ крайнимъ лагерямъ элементовъ, которые до тѣхъ поръ колебались. Очень многіе изъ сторонниковъ Перикла перешли въ партію мира и усилили ее. Партія мира, съ Никіемъ во главѣ, чередуется теперь въ управленіи и въ должностяхъ стратеговъ съ партіей войны. Съ другой стороны, и партія военная, руководителемъ которой становится Клеонъ, приобретаетъ болѣе рѣзкое направленіе. Оборона въ глазахъ Клеона рѣшительно должна была смѣниться наступленіемъ; въ финансовой политикѣ онъ стоитъ за обложеніе имущихъ гражданъ, за усиленіе взносовъ союзниковъ и напряженіе податной тиранніи Аѳинъ. Благодаря этому, часть богатаго класса, особенно землевладѣльцы и рабовладѣльцы, менѣ заинтересованные въ колониальныхъ предпріятіяхъ, отклоняются отъ военной программы; ея сторонниками остаются индустриалы и купцы, которые, въ родѣ самого Клеона, преимущественно дорожили связями съ далекими окраинами державы; главной же опорой военной партіи все болѣе становится масса бѣдныхъ гражданъ, которая, не участвуя въ сооруженіяхъ, кормилась войной.

Никій и Клеонъ по своему темпераменту и поведенію до извѣстной степени типичны для двухъ большихъ партій, борющихся между собой въ 20-хъ годахъ. Никій, изъ старинной фамиліи, съ большимъ

капиталомъ (считали до 100 талантовъ), но безъ промышленнаго дѣла, главнымъ образомъ, извлекалъ прибыль изъ покупки рабовъ и отдачи ихъ внаймы на работы, особенно горнопромышленныя. Біографъ сообщаетъ между прочимъ о забавномъ соединеніи у него промышленнаго расчета и религіознаго суевѣрія: капиталъ Никія лежалъ, главнымъ образомъ, въ серебряныхъ рудникахъ Лаврія, а это дѣло было полно риска и превратностей; чуть не каждый день приходили къ нему предсказатели, и онъ гадалъ съ ними о возможной выручкѣ. Противникъ мира, Никій, по необходимости, чтобы руководить дѣлами, долженъ былъ добиваться стратегіи и выполнять большія военныя заѣмы аѣинскаго народа. Безъ охоты выступать въ народномъ собраніи, безъ всякихъ данныхъ къ демагогіи, Никій предпочиталъ прятаться отъ общественной жизни и откупаться отъ всякихъ нападокъ. Обладая связями въ Спартѣ, какъ вообще люди его круга, Никій могъ бы гораздо болѣе сдѣлать для замиренія, если бы не его вѣчная нерѣшительность. Клеонъ, крупный кожевенный заводчикъ, первый плебей въ ряду аѣинскихъ демагоговъ, самый видный изъ «династіи торговцевъ»²³, напротивъ, необычайно ретиво бросался на политическія дѣла, проводилъ настойчиво и безпощадно свою воинственную программу, охотно говорилъ въ эkkлeсiи и со своимъ бурнымъ, нѣсколько вульгарнымъ краснорѣчіемъ пользовался огромнымъ успѣхомъ у аѣинскаго демоса. Крайне самоувѣренный и торопливый, Клеонъ выставлялъ себя постоянно на общественный судъ; зато комедія не давала ему покоя. Въ свою очередь, онъ вѣчно воевалъ съ противниками, и, напр., Аристофанъ немало пострадалъ отъ его преслѣдованій. Фукидидъ, принадлежавшій къ тому же кругу, что Никій, коротко характеризуетъ демагога словами: «не было между гражданами человѣка болѣе склоннаго къ насилію, но и не было другого болѣе популярнаго среди народа»²⁴. Надо отдать справедливость Клеону: при всѣхъ своихъ недостаткахъ это былъ вѣрный и честный слуга демоса, неутомимо избличавшій всякіе заговоры клубовъ противъ демократіи.

Выступленіе пелопоннесцевъ на морѣ и возстаніе на Лесбосѣ. Годы 429—427 были несчастливы для Аѣинъ: великая демократія не выходила изъ положенія обороны. Въ 429 году не было обычнаго нападенія пелопоннесцевъ на Атику. Царь Архидамъ повелъ свое ополченіе на Платею и приступилъ къ систематическому обложенію важной крѣпости. Въ концѣ того же года сдалась, наконецъ, Потидея послѣ долгой осады, но аѣиняне извлекли мало пользы отъ этого завоеванія. Городъ былъ срытъ до основанія, и остатку жителей позволили выселиться; но скоро аѣинскій отрядъ, оперировавшій въ Халкидикѣ, былъ разбитъ мятежниками другихъ халкидскихъ городовъ (при Спартолѣ),

и Аѳинамъ не удалось возстановить свое вліяніе въ сѣверо-западномъ краю державы.

Хуже всего казалось то, что врагъ осмѣлился выступить на морѣ, въ собственной сферѣ аѳинянъ. Снарядивъ большой флотъ, пелопоннесцы рѣшили форсировать проходъ въ Коринескій заливъ, загороженный аѳинской флотиліей, которая стояла въ Навпактѣ. Планъ этотъ, однако, совершенно не удался, благодаря блестящимъ дѣйствіямъ лучшаго аѳинскаго адмирала Форміона. Со своими 20 тріерами онъ напалъ на вдвое сильнѣйшій флотъ пелопоннесцевъ, приблизившійся съ запада, со стороны открытаго моря, и отбилъ его съ большими потерями. Пелопоннесцы увеличили свою эскадру до 77 кораблей, и хотя прорвались на этотъ разъ черезъ узкій каналъ въ глубину Коринескаго залива, но Форміонъ заперъ имъ обратный выходъ. Въ битвахъ подъ Навпактомъ оправдалась знаменитая морская техника аѳинянъ, результатъ ихъ многолѣтнихъ упражненій и подготовки. Авторитетъ аѳинянъ на морѣ былъ возстановленъ, но опасность не прошла, и результаты потрясенія державы сказались въ двухъ возстаніяхъ на окраинахъ, на Лесбосѣ и въ Коркирѣ.

Во время большого возстанія на о. Самосѣ Митилена, главная община лесбійцевъ, сохранила вѣрность Аѳинамъ. Но правившій въ Митиленѣ высшій классъ былъ очень ненадеженъ и теперь рѣшилъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Аѳинъ. Не объявляя прямо выхода изъ союза, митиленцы приступили къ синоикизму всего острова, т.-е. уничтоженію самостоятельности другихъ лесбійскихъ городовъ и подчиненію себѣ всей территоріи; вмѣстѣ съ тѣмъ они стали дѣятельно вооружаться. Аѳиняне немедленно отправили въ Лесбосъ эскадру, которая готовилась къ обычному опустошительному объѣзду Пелопоннеса. На требованіе сломать стѣны и выдать корабли митиленцы отвѣтили отказомъ, и началась война (428 г.). Спартанцы были готовы поддержать возстаніе на Лесбосѣ и созвали по этому поводу конгрессъ своихъ союзниковъ, предполагая заинтересовать ихъ въ новомъ дѣлѣ освобожденія подданныхъ морской державы; на конгрессъ явились послы митиленцевъ и просили о принятіи ихъ въ пелопоннесскій союзъ. Для Аѳинъ, казалось, наступилъ очень опасный моментъ. На состояніи флота сильно отразилось опустошительное дѣйствіе первыхъ лѣтъ войны, и въ особенности результаты страшной эпидеміи. Вслѣдствіе большой потери людей верфи работали слабо: Аѳины не могли восполнить убыль своего флота и довести его до прежней численности; къ этому прибавилась гибель множества еетовъ, составлявшихъ обычно экипажъ военныхъ кораблей, такъ что для снаряженія флота не хватало гражданъ. Критическое положеніе Аѳинъ ободрило Спарту къ измѣненію

стратегическаго плана. Рѣшено было напасть на Аѣны одновременно съ суши и съ моря, а для послѣдней цѣли переправить въ Сароническій заливъ черезъ Истмъ корабли, стоявшіе въ бездѣйствіи близъ Коринѳа послѣ того, какъ ихъ заперъ здѣсь Форміонъ. Но военное устройство пелопоннескаго союза оказалось непригоднымъ для такихъ сложныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Прошло лѣто, обычное время набѣга, а крестьяне не хотѣли собираться въ походъ, ссылаясь на предстоящую жатву; коринѳяне послѣ опыта морскихъ сраженій 429 года вовсе не чувствовали расположенія встрѣчаться съ аѣнцами.

Въ Аѣнахъ успѣли снарядить 100 тріеръ, и когда этотъ внушительный флотъ появился у Истма, пелопоннесцы бросили свой планъ и ушли съ перешейка. Между тѣмъ, командованіе въ Lesbійской экспедиціи было поручено энергичному Пахесу. Военный составъ аѣнскаго гражданства такъ сократился, что посланные съ этимъ командиромъ 1.000 гоплитовъ должны были сами грести на тріерахъ. Пахесъ обложилъ Митилену широкой осадной стѣной, и городу угрожалъ конецъ. Лишь теперь двинулись спартапцы на помощь возставшимъ; однако адмиралъ Алкидъ оказался такимъ боязливымъ медлителемъ, что эскадра не успѣла доѣхать до Делоса, какъ пришло извѣстіе о капитуляціи Митилены. Сдача произошла отъ причинъ внутреннихъ, очень характерныхъ для соціального положенія во многихъ общинахъ того времени. Спартапскій офицеръ Салэеъ, руководившій обороной Митилены, рѣшилъ произвести общую вылазку и вооружилъ гоплитами просто-народье. Получивъ въ свои руки оружіе, демосъ потребовалъ у олигарховъ раздачи хлѣбныхъ запасовъ, грозя въ противномъ случаѣ передать городъ аѣнцамъ. Тогда олигархи поспѣшили войти въ переговоры о сдачѣ.

Пахесъ выслалъ въ Аѣны множество арестованныхъ митиленцевъ, которыхъ онъ считалъ особенно виновными въ организаціи возстанія. Въ самомъ началѣ 427 года созвано было народное собраніе, гдѣ выступилъ Клеонъ; въ качествѣ политика-матеріалиста онъ говорилъ, что могущество Аѣнъ держится лишь на повинностяхъ союзниковъ, и что только беспощадная строгость можетъ удержать союзъ; нечего поддаваться ложной чувствительности или слѣпому добродушію. Это были обычныя доказательства сторонниковъ террора. Подъ вліяніемъ Клеона еkkлесія рѣшила казнить не только присланныхъ митиленцевъ, но и все мужское населеніе города, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство. Народъ собирался совершить не только дикую жестокость, но также крайнюю несправедливость по отношенію къ митиленскому демосу, въ сущности державшему сторону Аѣнъ. Такъ какъ аѣнскія партіи были приблизительно равны по силѣ, то умѣреннымъ уда-

лось добиться созыва на другой день новаго собранія для пересмотра страшнаго приговора; предложеніе умѣренныхъ заключалось въ томъ, чтобы судить народнымъ судомъ только тѣхъ митиленцевъ, которые были присланы въ Аѣины, остальное населеніе не трогать, не изгонять и не наказывать ²⁵. Оно было принято незначительнымъ большинствомъ, но такъ какъ въ это время со всѣми дѣлами нервно торопились, то приказъ объ исполненіи перваго приговора уже былъ отосланъ Пахесу; снарядили новую тріеру, и митиленцы, находившіеся въ Аѣинахъ, вмѣстѣ со своими аѣинскими друзьями похлопотали о томъ, чтобы гребцы догнали первый корабль, и чтобы новая вѣсть помѣшала начать рѣзню.

Въ этомъ фактѣ характерно еще одно обстоятельство; оно показываетъ, въ какой мѣрѣ война развила непосредственное вмѣшательство экклесіи во всѣ шаги и повороты политики, какъ неуклонно слѣдило народное собраніе за дѣйствіями командировъ. Оно не только давало общія указанія и общія полномочія, не только вело общій контроль и снимало отвѣтственность; въ его средѣ происходила теперь также непрерывная критика дѣйствій стратеговъ; отсюда посылали прямые, точные до мелочей приказы, которые могли парализовать ихъ дѣло, внезапно измѣнить направленіе военныхъ операцій и т. д. Такъ какъ народъ слѣдовалъ при этомъ за своими постоянными совѣтниками, демагогами, которые каждый день могли направлять его мнѣнія, то отсюда и развился своеобразный антагонизмъ между демагогами и стратегами, тогда какъ въ предшествующій періодъ, со времени Мильтіада и кончая Перикломъ, демагогія и стратегія большею частью соединялись въ лицѣ однихъ и тѣхъ же дѣятелей.

На Лесбосѣ города, кромѣ Меѣмны, сохранившей вѣрность Аѣинамъ, потеряли автономію; Митилена выдала военные корабли и должна была допустить разрушеніе городскихъ стѣнъ. На митиленцевъ пала новая повинность: ихъ земли раздѣлили на 3.000 участковъ, изъ которыхъ 300 были отписаны богамъ, остальные 2700—аѣинскимъ клерухамъ. Старые хозяева остались на своей землѣ, но должны были выплачивать по двѣ мины въ годъ за каждый участокъ новымъ владѣльцамъ. Эти клерухіи были непохожи на прежнія колоніи аѣиняны; скорѣе онѣ составляли синекуры аѣинскихъ гражданъ, какъ бы въ награду за разореніе, которое они претерпѣли на родинѣ. Съ окончаніемъ лесбійскаго возстанія совпала новая неудача для Аѣинъ въ европейской Греціи: произошло паденіе Платей, которымъ аѣиняне такъ и не рѣшились подать помощь. Когда припасы стали приходиться къ концу (женщины и дѣти были при первомъ же нападеніи отосланы въ Аѣины), часть осажденныхъ ночью бѣжала; остальные сдались спартанцамъ, но

тѣ передали платейскихъ измѣнниковъ ихъ смертельнымъ врагамъ, еиванцамъ, и герои четырехлѣтней обороны были казнены. Эиванцы разрушили городъ до основанія. Вслѣдъ затѣмъ въ Коркирѣ началось жестокое междоусобіе, грозившее отдать островъ въ руки противниковъ Аѣинъ.

Революція на о. Коркирѣ. Возвратившіеся изъ коринесскаго плѣна коркирскіе олигархи обвинили главу демократической партіи, Пейеіа, въ томъ, что онъ хочетъ отдать Коркиру въ рабство аѣинянамъ. Пейеіа оправдался и въ свою очередь притянулъ къ суду 5 самыхъ богатыхъ членовъ олигархической партіи. Процессъ этотъ очень характеренъ, поскольку обвинитель воспользовался религіознымъ мотивомъ для финансоваго разоренія своихъ политическихъ противниковъ. Пейеіа обвинялъ подсудимыхъ въ томъ, что они срѣзали въ священной рошѣ Зевса и Алкиноя палки для виноградниковъ, и требовалъ за каждую палку высокаго штрафа. Вождь демократіи выигралъ процессъ, но вслѣдъ за этимъ олигархи совершили вопіющее насиліе, ворвались въ засѣданіе Думы и перебили 60 человѣкъ совѣтниковъ, въ томъ числѣ самаго Пейеіа. Олигархи собирались звать на помощь Спарту; тогда проstonародѣ въ свою очередь вооружилось и заняло акрополь; олигархи укрѣпились около рынка и гавани, гдѣ находились склады товаровъ, арсеналь и большею частью дома богатыхъ купцовъ. Обѣ стороны призвали на помощь рабовъ, обѣщая имъ свободу. Въ кровопролитныхъ схваткахъ на городскихъ улицахъ демось взялъ верхъ; начался пожаръ, истребившій склады.

Между тѣмъ появились двѣ эскадры, маленькая въ 12 кораблей, аѣинская, и большая, въ 53 тріеры, пелопоннесская. Снова аѣиняне, какъ за два года до того въ Коринесскомъ заливѣ, показали свою изумительную морскую тактику и спасли отъ разгрома коркирскій флотъ. Пелопоннесцы спѣшно удалились, услыжавъ о приближеніи новыхъ морскихъ силъ изъ Аѣинъ. Теперь паника, пережитая коркирскимъ демосомъ, превратилась въ жестокое беспощадное мщеніе и расправу надъ олигархами; семь дней продолжались убійства, преслѣдуемыхъ отрывали отъ алтарей, гдѣ они искали спасенія. Среди кровопролитія погибли крупные торговцы и судовладѣльцы Коркиры; лишь немногимъ удалось бѣжать. Торговля совершенно замерла, подвозъ остановился, въ городѣ наступилъ жестокій голодъ. Коркира обратилась въ жалкія развалины.

Фукидидъ о соціальной борьбѣ въ Греціи. Событія на Лесбосѣ и Коркирѣ образуютъ осложненіе междоусобной войны большихъ греческихъ союзовъ соціальной борьбой классовъ внутри отдѣльныхъ общинъ. Эта борьба далеко не случайный спутникъ внѣшнихъ столк-

новений. Все время она идетъ параллельно войнѣ. Въ самомъ началѣ платейскіе олигархи выдаютъ демосъ своего города виѣшнему врагу, еиванцамъ. Борьба классовъ захватываетъ постепенно одну общину за другой, принимаетъ особенно рѣзкія формы на о. Самосѣ, наконецъ, обнаруживается въ большихъ городахъ, Аѣинахъ и Сиракузахъ. Гражданскія смуты разыгрывались со всею безпощадностью и ожесточеніемъ виѣшней войны: массы людей погибали въ казняхъ и ссылкѣ вслѣдствіе партійной розни, διὰ τὸ στασιάζειν, какъ гласитъ греческій терминъ у Фукидида. Чего стоитъ одинъ 427 годъ, на который приходится умерщвление нѣсколькихъ сотенъ коркирскихъ олигарховъ, казнь всего оставшагося въ живыхъ гарнизона вѣрныхъ Аѣинамъ Платей и рѣшеніе аѣинской эkkлeсiи вырѣзать все мужское населеніе возставшей Митилены!

Дикія сцены коркирскихъ столкновений вызываютъ у Фукидида его знаменитую характеристику общественнаго одичанія Греціи ²⁶. Историкъ считаетъ обостреніе классовой борьбы результатомъ большой общей войны. Возжи демоса (οἱ δήμου πρoστάται) и высшій классъ (οἱ ὀλίγοι) во время мира не имѣли ни повода, ни склонности звать на помощь аѣинянъ или спартанцевъ, а теперь, когда между тѣми и другими разразилась вражда, каждая сторона легко впадала въ соблазнъ обращенія къ виѣшней силѣ, желая ослабить своего домашняго противника; очень желанной оказывалась посторонняя помощь и для революціонеровъ (τοῖς υψωτέριζειν τι βουλομένοις). Невольно хочется дополнить объясненіе греческаго историка. Острый характеръ внутренней борьбы имѣлъ, безъ сомнѣнія, свои особыя основанія, помимо толчковъ, принесенныхъ большою Пелопоннескою войною. И можно обратно сказать, что война не была бы такой упорной и ожесточенной или она и вовсе не разразилась бы, если бы не рѣзкія столкновенія соціальныхъ группъ внутри общинъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляли въ послѣдней трети V вѣка отношенія между «немногими» и народомъ, кто такое были ὀλίγοι или δυνατοί и изъ кого состоялъ δῆμοςъ? Старая аристократія, опиравшаяся на религіозныя традиціи, давно растворилась въ городской жизни, и олигархи были теперь люди капитала или представители новой интеллигенціи. Въ торговыхъ общинахъ, какова, напр., была Коркира, они держали въ своихъ рукахъ торговлю и судоходство, были владѣтелями большихъ оптовыхъ складовъ, коммерческихъ галерей, а также банкирами, ссужавшими деньги подъ разныя предпріятія. Масса людей средняго состоянія, лавочкики, ремесленники и въ особенности крестьяне, очутились скоро у нихъ въ долгу, разореніе свело ихъ затѣмъ на положеніе пролетаріевъ. Демосъ, разоренный, озлобленный, сталъ не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ еще въ эпоху греко-персидскихъ

войнѣ. Можно думать, что во многихъ мѣстахъ сильно пошло на убыль крестьянское землевладѣніе; городскіе капиталисты скупили мелкіе участки, округляли ихъ въ большія имѣнія, а бывшихъ хозяевъ или сводили на положеніе батраковъ, или вытѣсняли на случайныя городскія занятія. Такое заключеніе позволяетъ сдѣлать намъ любопытная программа народной партіи, выставленная въ 20-хъ годахъ V вѣка въ Леонтинахъ: демось собирался здѣсь подѣлать всю землю (*τὴν γῆν ἀναδάσασθαι*); эти революціонные замыслы заставили зажиточныхъ людей бѣжать въ Сиракузы и искать тамъ помощи противъ своихъ согражданъ. Безъ сомнѣнія, идея «чернаго передѣла» могла явиться только въ средѣ недавнихъ владѣльцевъ земли, горячо стремившихся къ возвращенію того, что было у нихъ отнято; аграрная революція была отвѣтомъ на вытѣсненіе крестьянства съ земли капиталомъ. Не трудно представить себѣ также программу чисто-городскихъ группъ демоса; они добивались распоряженія казной, распределенія общественныхъ суммъ въ видѣ пайковъ и раздачъ. Были также прямыя нападенія на частный капиталъ въ видѣ требованія кассации долговъ (*χρεῶν ἀποκοπή*) и еще въ видѣ разоренія богатыхъ людей судебными штрафами, примѣръ чего представляетъ религіозный процессъ, поднятый Пейсіемъ въ Коркирѣ.

Всѣ эти послѣдствія роста денежнаго капитала и его разоряющей силы успѣли сказаться раньше, чѣмъ разразилась большая междоусобная война; но Фукидидъ почти не упоминаетъ о социальныхъ столкновеніяхъ, его интересуетъ только роль войны, какъ фактора, обострившаго конфликтъ. Въ партійной борьбѣ, говоритъ онъ, общины испытали самыя тяжелыя бѣдствія, которыя, впрочемъ, всегда возникаютъ и всегда будутъ возникать, пока природа человѣка останется одна и та же, только по временамъ они становятся рѣзче или, напротивъ, тише, смотря по обстоятельствамъ. Ужасно моральное паденіе общества, создаваемое междоусобной войной: умы изощряются въ новыхъ и новыхъ планахъ, дьявольскихъ злоумышленіяхъ и во всякихъ видахъ мщенія. Всѣ понятія, всѣ нравственныя оцѣнки опрокинуты въ обществѣ: отчаянная дерзость, хитрая злоба—вотъ новыя добродѣтели; сдержанность, осторожность, умѣренность, напротивъ, считаются качествами преступными. Перестаютъ вѣрить какимъ-либо клятвамъ; о страхѣ Божіемъ нѣтъ и рѣчи въ отношеніяхъ между партіями; наилучшей репутаціи добивается тотъ, кто подъ приличнымъ видомъ совершаетъ самыя ненавистныя дѣянія. Всѣ виды порока процвѣли въ жестокомъ междоусобіи грековъ, а искренность и тѣсно съ нею связанное благородство стали казаться смѣшными и вовсе исчезли.

Въ этой характеристикѣ общественныхъ нравовъ, данной Фукиди-

домъ, интересны нѣкоторыя реальныя черты. «Кровныя связи,—говоритъ онъ,—ослабѣли, чтобы дать мѣсто союзному началу (τὸ ἑταιρικόν), такъ какъ участники союзовъ значительно превосходили родственныя соединенія въ дерзости своихъ поступковъ. Подобные союзы (ξυνοδοί) вовсе не являлись поддержкой законнаго порядка, напротивъ, служили подрыву существующаго строя. А члены, вступавшіе въ новыя соединенія, закрѣпляли между собою связь не божественнымъ закономъ, а общими преступленіями». Не будучи сторонникомъ существующей демократіи, Фукидидъ высказывается, однако, очень рѣзко о реакціонныхъ клубахъ и тайныхъ обществахъ своего времени: союзы, заступившіе мѣсто патріархальныхъ соединеній, работали, по его мнѣнію, исключительно во вредъ политическому и общественному порядку; ихъ дѣятельность расцвѣла также благодаря общей и повсемѣстной войнѣ. Другое замѣчаніе Фукидида носить какъ будто личный характеръ: безпартійные, нейтральные люди въ средѣ гражданства (τὰ μέσα τῶν πολιτῶν) испытывали жестокое утѣсненіе со стороны обѣихъ враждующихъ группъ; ихъ громили или за то, что они не участвуютъ въ борьбѣ, или изъ зависти за то, что имъ удалось уцѣлѣть.

Бои въ западной Греціи и первая сицилійская экспедиція. Первые три года войны (431—429 г.) принесли тяжелое разочарованіе Аѣнамъ, которыя приняли вызовъ въ увѣренности изморить Пелопоннесъ блокадой. Четвертый и пятый годы войны (428—27) въ свою очередь должны были привести въ отчаяніе противниковъ: ни разореніе Аттики, ни отпаденіе союзниковъ не сломили энергія Аѣинъ, флотъ пелопоннесскій нигдѣ не могъ выдержать борьбу съ аѣнскимъ, держава сохранила господство на моряхъ, и войнѣ не предвидѣлось конца. На шестой годъ (426) Аѣины замѣтно начинаютъ поправляться. Чума, еще нѣсколько разъ возвращавшаяся, прекратилась вовсе; въ рядахъ городской демократіи снова замѣтно воинственное настроеніе. Партія войны выдвинула новые планы наступательныхъ дѣйствій: занятіе острововъ близъ Пелопоннеса и опорныхъ пунктовъ на самомъ полуостровѣ, нападеніе на Беотию, чтобы освободить Аттику съ фланга, и, наконецъ, въ качествѣ возобновленія плановъ Перикла, вооруженное вмѣшательство въ дѣла Сициліи. Къ сожалѣнію для Аѣинъ, громадная энергія, неистощимая изобрѣтательность парализовались раздробленіемъ командованія, которое вошло въ обычай послѣ паденія Перикла. Народъ не довѣрялъ своимъ избранникамъ стратегамъ, боясь тиранніи, подобной преобладанію Перикла. Вслѣдствіе этого такіе даровитые командиры, какъ Форміонъ или Демосѣенъ, выдвинувшійся съ 426 г., не могли развернуться. Самое блестящее дѣло Демосѣена, занятіе Пилоса, едва не рушилось изъ-за того, что вначалѣ въ его распоряженіи были ничтожныя силы.

Необыкновенная живучесть Аѳинъ и особенно повсемѣстное торжество на морѣ державы, только что пережившей жестокой кризисъ, произвели въ Спартѣ сильное впечатлѣніе. Осторожная традиціонная стратегія, представленная старымъ царемъ Архидамомъ, явно утратила смыслъ. По традиціи спартацы совершали лѣтніе набѣги на Аттику, но нашествіе 425 года было послѣднимъ, тѣмъ болѣе, что въ опустошенной странѣ больше нечего было разорять. Въ Спартѣ стала выдвигаться партія болѣе рѣшительной войны, среди нея энергичный и способный Брасидъ. По спартанскимъ обычаямъ, крупное командованіе поручалось лишь пожилымъ офицерамъ, но сознание необходимости внести свѣжія силы въ дѣло, нашло себѣ выходъ въ практикѣ назначенія молодыхъ въ штабъ къ старымъ командирамъ: такимъ образомъ Брасидъ появляется въ качествѣ совѣтника при главнокомандующемъ въ рядѣ новыхъ морскихъ предпріятій, въ Коринескомъ заливѣ въ 429 г., у Коркиры въ 427 г., и знакомится съ аѳинской тактикой. Вліяніе новыхъ людей сказывается и въ стратегіи Спарты. Здѣсь чувствуютъ необходимость вырваться изъ того изолированнаго положенія, въ которое Пелопоннесъ поставленъ войной, а съ этой цѣлью пріобрѣсти опорные пункты въ Средней Греціи, втянуть полудикія горныя племена въ борьбу и перерѣзать линіи сношеній аѳиняны черезъ Тессалію съ сѣверомъ и черезъ Акарнанію съ западомъ. Въ этихъ видахъ спартацы основали близъ Термопилъ по ту сторону перевала колонію Гераклею: городъ сыгралъ потомъ нѣкоторую роль въ походѣ Брасида на сѣверъ (424 г.)— предпріятіи по своей смѣлости для спартацевъ неслыханномъ. Съ другой стороны, спартацы начали оперировать отъ Дельфъ, вооружая горныя племена локровъ; цѣлью ихъ было взять Навпактъ и совмѣстно съ ополченіемъ коринеской колоніи Амбракіи овладѣть путями аѳиняны къ Коркирѣ и вообще къ западному морю.

Въ цѣломъ, при различныхъ превратностяхъ, планы спартацевъ относительно запада не удались. Здѣсь впервые выступилъ Демосѳенъ: разбитый сначала, въ незнакомыхъ условіяхъ горной мѣстности, легковооруженной пѣхотой этолянъ, онъ спасъ, однако, Навпактъ и въ результатѣ очень искусныхъ дѣйствій въ Акарнаніи разгромилъ амбракіотовъ и вспомогательный отрядъ пелопоннесцевъ. Этолійскіе и акарнанскіе бои представляютъ своеобразный интересъ. Передовыя, культурно развитыя общины Греціи втянули въ свои споры отсталыя, въ сущности жившія мирно, полудикія племена сѣверо-западной окраины и перенесли войну на ихъ территорію, въ ихъ далеко отодвинутыя отъ бойкаго обмѣна глухія горныя деревни. Здѣсь знаменитая тактика гоплитской фаланги, помощью которой греки отстояли свободу противъ азіатскаго врага, потерпѣла крушеніе отъ натиска подвижныхъ легко-

вооруженных пращниковъ, метателей короткихъ копій и стрѣлковъ. Въ свою очередь Демосеенъ, которому вслѣдъ за поражениемъ афинскихъ гоплитовъ въ Этоліи пришлось командовать надъ ополченіями акарнанскихъ дикарей, воспользовался ихъ способомъ боя и внесъ ихъ приемы въ качествѣ новинки въ греческую военную практику.

Одновременно съ борьбой въ западной Греціи афиняне сдѣлали первую попытку наступленія въ крупныхъ размѣрахъ: такимъ походомъ была экспедиція въ Сицилію (426—5 г.). Сицилійскія предпріятія Аѳинъ нельзя считать какой-то безпочвенной фантазіей; это были очень планомерныя дѣйствія, неудавшіяся въ концѣ-концовъ по причинамъ характера случайнаго. Къ прежней Перикловой политикѣ расширенія торговыхъ сношеній въ Италиі и Сициліи война присоединила другую задачу: перервать линію сношеній между дорійскими колоніями, особенно Сиракузами, и Пелопоннесомъ, обрѣзать подвозъ жизненныхъ припасовъ Спартѣ, Коринѳу и другимъ общинамъ полуострова и такимъ образомъ завершить блокаду, въ которой афиняне видѣли главную цѣль войны. Поводомъ для вмѣшательства Аѳинъ служили сицилійскія междоусобія. Самая сильная изъ общинъ Сициліи, Сиракузы, стремилась къ объединенію всей греческой части острова. Тиранинъ Сиракузъ особенно боялись такъ наз. халкидскіе, т.-е. іонійскіе города, лежавшіе на восточномъ берегу Сициліи и въ южной Италиі, Наксосъ, Катапа, Леонтины, Регій. Отъ Леонтинъ, съ которыми еще въ 433 году былъ заключенъ оборонительный союзъ, пріѣхалъ въ 427 году въ Аѳины въ качествѣ уполномоченнаго знаменитый софистъ, учитель краснорѣчія Горгій. Афиняне отправили въ сицилійскія воды сначала одну эскадру въ 20 триеръ, потомъ другую въ 40. Они заняли очень выгодную позицію у пролива, отдѣляющаго Сицилію отъ Италиі, укрѣпившись въ Регіи и въ противоположащей Мессанѣ. Большихъ успѣховъ афиняне, однако, не добились. Сухопутныхъ силъ для десанта было взято слишкомъ мало, приходилось ограничиваться морскими набѣгами и демонстраціями. Лишь когда они потеряли Мессану, рѣшено было послать новое значительное подкрѣпленіе. Но вспомогательный флотъ на пути былъ отвлеченъ для важнаго предпріятія, затѣяннаго въ самомъ Пелопоннесѣ, именно для завоеванія Пилоса. Между тѣмъ сицилійскіе греки, враждовавшіе между собой, заключили миръ, и афинской эскадрѣ, за неимѣніемъ дѣла, пришлось вернуться домой. Въ концѣ-концовъ неудача первой сицилійской кампаніи отражаетъ общій недостатокъ всей афинской стратегіи со времени паденія Перикла: въ Аѳинахъ не было ни главнокомандующаго съ продолжительнымъ и безусловнымъ авторитетомъ, ни постояннаго военнаго совѣта съ соотвѣтствующими полномочіями: война велась безъ общаго плана, силы раздроблялись между

отдѣльными стратегами и тѣми отдѣльными не связанными между собой предпріятіями, которыя эти стратеги выполняли то по порученію народа, нерѣдко вызванному предложеніемъ самого командира, то на свой собственный страхъ и рискъ. Въ качествѣ предпріятія послѣдняго рода началось самое блестящее въ эту войну дѣло аѳинянь—занятіе Пилоса.

Успѣхи аѳинянь въ Мессеніи. Къ эскадрѣ, отправленной въ Сицилію, былъ прикомандированъ прославившійся въ Акарнаніи Демосеенъ, который получилъ позволеніе занять на пути флотъ для любой экспедиціи въ Пелопоннесъ. Демосеенъ открылъ свой таинственный планъ уже въ дорогѣ. По указанію мессенцевъ изъ Навпакта, онъ захватилъ Пилосъ на юго-западномъ берегу Пелопоннеса въ ихъ старой родинѣ, Мессеніи, подвластной спартанцамъ. Этотъ пунктъ представлялъ естественную крѣпость и господствовалъ надъ бухтой (нынѣшней Наваринской), закрытой со стороны моря островомъ Сфактеріей. Изъ Пилоса аѳиняне могли начать агитацію среди мессенскихъ гелотовъ и организовать опасное для Спарты возстаніе. Среди спартанцевъ началась паника: царь Агисъ, находившійся съ ополченіемъ въ Атикѣ, спѣшно отступилъ черезъ Истмъ, къ Пилосу былъ стянуть весь пелопоннескій флотъ, начались атаки на Пилосъ, и съ этою цѣлью островъ Сфактерію заняли 420 гоплитовъ, изъ нихъ около половины спартіаты лучшихъ фамилій. Въ свою очередь аѳиняне отозвали эскадру, находившуюся на пути въ Сицилію; аѳинскій флотъ разбилъ пелопоннескій и вошелъ въ гавань; теперь въ свою очередь спартанцы на Сфактеріи оказались въ осадѣ.

Уже побѣды Демосеена въ Акарнаніи вызвали въ Спартѣ сильное теченіе въ пользу мира. Сторонники примиренія съ Аѳинами добились возврата и восстановленія на престолѣ царя Плейстоанакта, свергнутаго въ 445 году за отступленіе изъ Атики. Въ 426 году въ Аѳины отправили посольство съ предложеніемъ вернуться къ порядкамъ Тридцатилѣтняго мира при единственномъ условіи возвращенія Аѳинами Эгины; великую идеалистическую задачу освобожденія эллинства Спарта была готова вовсе покинуть. Теперь, въ 425 году, занятіе Пилоса и опасность, которой подверглись на Сфактеріи лучшіе воины, цвѣтъ и безъ того таявшей спартанской аристокраціи, составили для Спарты фактъ столь уничтожающаго свойства, что было рѣшено немедленно просить мира. Эфоры отправились сухимъ путемъ къ Пилосу; здѣсь они предложили аѳинскимъ стратегамъ перемиріе съ тѣмъ, чтобы начать мирные переговоры съ народомъ аѳинскимъ; на время перемирія они согласились отдать, въ видѣ залога, весь пелопоннескій флотъ, 60 триеръ. Спартанскихъ пословъ повезли въ Аѳины на аѳинскомъ кораблѣ. Они предложили

за свободный пропускъ осажденныхъ на Сфактеріи условія болѣе выгодныя, чѣмъ годъ тому назадъ: отдавали Мегару и Эгину, и кромѣ того готовы были на заключеніе дружественнаго союза съ Аѳинами на основѣ совмѣстнаго господства надъ Греціей.

Несмотря на чрезвычайную выгодность этихъ условій для Аѳинъ и крайне усилившееся желаніе мира въ аѳинскомъ обществѣ, военная партія, съ Клеономъ во главѣ, взяла верхъ въ народномъ собраніи: Клеонъ поставилъ требованія невозможныя для Спарты: предварительную выдачу осажденныхъ на Сфактеріи, а затѣмъ возвращеніе Аѳинамъ тѣхъ пунктовъ въ Пелопоннесѣ, которые были отданы по Тридцатилѣтнему миру. Совершенно сознательно онъ сорвалъ переговоры и сталъ настаивать на рѣшительныхъ дѣйствіяхъ у Пилоса. Дальѣйшій ходъ дѣла въ экклесіи открываетъ весьма своеобразныя отношенія стратеговъ къ народу. Клеонъ требовалъ, чтобы къ Пилосу отправили съ подкрѣпленіями Никія, бывшаго въ это время стратегомъ, и въ горячности сказалъ, что онъ самъ немедленно приступилъ бы къ штурму, если бы имѣлъ командованіе. Никій не только возражалъ противъ предпріятія, но и отклонилъ отъ себя лично участіе въ этой экспедиціи; поймавъ Клеона на словѣ, онъ предложилъ политическому противнику своему взяться за дѣло самому²⁷. Если принять во вниманіе совершенную неопытность Клеона въ военномъ дѣлѣ,—а онъ самъ до сихъ поръ въ сознаніи своего недостатка избѣгалъ должности стратега—то предложеніе Никія звучало въ родѣ дурной шутки. Но оно было гораздо хуже того: Никій былъ увѣренъ въ провалъ Клеона и, повидимому, нисколько не стѣнялся, что неминуемая въ его глазахъ неудача самозваннаго стратега будетъ пораженіемъ Аѳинъ. Какъ бы то ни было, Клеонъ получилъ командованіе рѣшеніемъ того же самаго собранія, въ которомъ дебатировался вопросъ. Ему повезло неожиданное счастье тѣмъ болѣе, что искусный Демосѳенъ все подготовилъ для штурма Сфактеріи. Аѳиняне высадились на островъ, окружили пелопоннесцевъ и заставили ихъ сдаться: среди 298 плѣнныхъ было 120 спартиатовъ. Впечатлѣніе получилось громадное во всемъ греческомъ мірѣ. Въ первый разъ сдались несокрушимые спартанцы вмѣсто того, чтобы умереть въ бою. Матеріальный разгромъ Спарты былъ также великъ. Аѳиняне, подъ предлогомъ нарушенія спартанцами условій, удержали весь, находившійся у нихъ въ залогѣ, пелопоннесскій флотъ. Въ Пилосѣ была возведена настоящая крѣпость; мессенцы, привезенные изъ Навпакта, начали совершать изъ нея грабительскіе набѣги; изъ имѣній спартиатовъ то и дѣло убѣгали гелоты, и можно было ожидать возстанія крѣпостныхъ. Спартанцы слали въ Аѳины одно за другимъ предложенія о мирѣ, но теперь они отвергались безъ разсмотрѣнія:

Они должны были отказаться отъ набѣговъ на Аттику, такъ какъ аѳиняне заявили, что при новомъ опустошеніи ихъ страны плѣнники будутъ казнены.

Клеонъ достигъ вершины популярности. Народъ присудилъ ему величайшія гражданскія почести: пожизненный общественный обѣдъ въ пританеѣ (думѣ) и первое мѣсто въ театрѣ. Подъ его вліяніемъ приступили къ широко задуманнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Новая эскадра направилась къ Сициліи. Никій былъ отряженъ къ захвату важнаго острова Киееры, лежащаго у юго-восточнаго края Пелопоннеса. При участіи неутомимаго Демосоена, было рѣшено взять Мегару и затѣмъ комбинировать съ двухъ сторонъ, отъ Коринесскаго залива и отъ границы Аттики, нападеніе на Беотію. Аѳины, повидимому, покинули осторожную стратегію Перикла и вернулись къ кипучей программѣ 50-хъ годовъ. Всѣ эти рѣшительныя дѣйствія 425 и первой половины 424 года создали необычайное напряженіе финансовъ. Неизбѣжны стали реформы, представлявшія въ свою очередь отклоненіе отъ финансовой политики Перикла.

Финансовая затрудненія Аѳинъ. Въ началѣ войны стараніями Перикла былъ отложенъ въ храмѣ богини значительный фондъ въ 6.000 талантовъ, изъ нихъ 1.000 неприкосновенной суммы на самый крайній случай. Ежегодные военные расходы были вдвое и втрое больше поступленийъ въ кассу союза (равныхъ около 600 талантовъ). Въ первые же годы осада Потидеи стоила 2.000 талантовъ. Приблизительно около 1.000 талантовъ уходило ежегодно на флотъ: одно жалованіе, получаемое экипажемъ и солдатами каждой тріеры, равнялось ежемѣсячно таланту. Пришлось дѣлать займы изъ запасной суммы. Уже на пятый годъ войны, она, однако, была почти исчерпана. Аѳинамъ грозилъ полный кризисъ; близка была потеря того ресурса, въ которомъ Периклъ видѣлъ рѣшительное преимущество державы передъ ея противниками; конечно, всякія активныя дѣйствія должны были бы прекратиться, если бы предстояло перейти къ натуральнымъ повинностямъ.

Въ виду этого во время осады Митилены прибѣгли къ средству чрезвычайному и назначили впервые, по словамъ Фукидида ²⁸, прямой налогъ на имущество (εἰσφορά). Насколько эта мѣра считалась сама по себѣ критической, видно изъ того, что инициатору соответствующаго предложенія нужно было предварительно вотировать неприкосновенность (ἄδεια). Взиманіе чрезвычайнаго налога сопровождалось множествомъ фискальныхъ процессовъ по взысканію различныхъ недоимокъ, недоплатъ въ арендахъ, утаиванію имущества и по дѣламъ о подкупахъ. Въ этихъ процессахъ впереди всѣхъ дѣйствовалъ Клеонъ въ качествѣ энергичнаго и беспощаднаго защитника казны. Въ оппозиціонныхъ ко-

медяхъ Аристофана отразилось жестокое раздраженіе противъ него богатыхъ классовъ, которые такъ щадить Периклъ. Въ «Осахъ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ рассказываетъ сонъ: «чудится ему собраніе, гдѣ сидятъ бараны въ плащахъ и съ тростями въ рукѣ (костюмъ и принадлежность аѳинскихъ судей); жадная акула (Клеонъ) визгливо выкрикиваетъ свою рѣчь: она готовится снять жиръ съ народа и развѣшать по размѣру кусковъ (т.-е. по имущественнымъ разрядамъ)»²⁹. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было взыскать недоимки также съ союзниковъ, и съ этой цѣлью изъ Аѳинъ вышла реквизиціонная флотилія (*υἱεσ ἀρχυρολόγοι*). Инициаторомъ этой мѣры опять-таки быть, повидимому, Клеонъ. Она составляла только прологъ къ новой обширной финансовой реформѣ, которую поставила на очередь наступательная война, ведомая радикальной демократіей. Дѣло шло о возвышеніи союзническихъ взносовъ.

Аѳиняне нѣсколько разъ повышали и понижали фѳорось со времени его установленія Аристидомъ, но эти колебанія не измѣняли существа дѣла. Взносы составляли не процентъ съ доходовъ, а заранее определенную цифру съ каждой общины. За 50 слишкомъ лѣтъ многіе города расширили свои торговые обороты и платили соответственно гораздо меньшую долю со своихъ доходовъ, чѣмъ прежде. Новая реформа состояла въ пересмотрѣ таксы взносовъ и въ ихъ измѣненіи соответственно развившейся производительности; фактически она повела къ возвышенію взносовъ вдвое слишкомъ³⁰. Между отдѣльными общинами прошла значительная разница: однѣ остались почти при прежнемъ размѣрѣ, другія стали платить въ четыре и въ пять разъ больше. Аѳиняне рассчитывали получить въ цѣломъ около 1.200 талантовъ въ годъ, благодаря новой расцѣнкѣ. Хотя въ пользу финансовой реформы можно было привести экономическія соображенія, и хотя она не приносила въ собственномъ смыслѣ чрезмѣрнаго отягченія, но въ политическомъ отношеніи она явилась въ данный моментъ чрезвычайно рискованнымъ шагомъ. Аѳиняне создавали въ средѣ своихъ и безъ того мало надежныхъ союзниковъ основанія для сильнаго протеста и подготавливали этимъ кризисъ своей державы. На финансовой реформѣ союза обнаруживается тѣсная связь радикальной демократіи съ империализмомъ. Эта связь наглядно выступаетъ въ одномъ мелкомъ фактѣ аѳинской жизни: повидимому, одновременно съ усиленнымъ взиманіемъ возвышенной подати съ союзниковъ Клеонъ поднялъ въ Аѳинахъ суточную плату присяжнымъ въ судахъ (съ двухъ оболовъ на три). На морской державѣ и ея ресурсахъ держалось все зданіе демократіи. Изъ-за того, чтобы сохранить имперію, аѳиняне бросились въ войну; обратно, веденіе войны потребовало напряженія платежныхъ средствъ

подданныхъ. Имперіализмъ неизбежно осложнялся воинственной политикой, и аѳинскій демосъ послѣдовательно и настойчиво проводилъ ее, не забывая въ то же время брать съ нея прямую выгоду.

Въ какой мѣрѣ прочнымъ представлялся современникамъ демократическій строй Аѳинъ и насколько сильна была оппозиція въ данный моментъ?

Общее положеніе въ Аѳинахъ середины 20-хъ годовъ. Есть много основаній относить именно къ 425 году анонимную (Псевдоксенофонову) Аѳинскую Политію, которую мы уже не разъ привлекали для характеристики аѳинскаго строя. А если мы вѣрно опредѣляемъ время ея написанія, то ея главная тенденція и нѣкоторыя частности служатъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ общаго въ то время признанія несокрушимости аѳинскаго строя. Составитель Политіи—аѳинянинъ, сторонникъ олигархіи и рѣзкій противникъ существующаго строя. Онъ пишетъ не воззваніе и не памфлетъ, обращенный къ большой публикѣ; его рѣчь направлена къ небольшому кругу единомышленниковъ, вынужденныхъ молчать, можетъ быть, къ друзьямъ аѳинскихъ олигарховъ за границей; его цѣль—показать, что ненавистный демократическій строй чрезвычайно силенъ, что онъ тѣсно связанъ со всѣмъ существованіемъ государства, и что на его низверженіе почти нѣтъ надежды.

Демократія, въ глазахъ анонимнаго олигарха, повидимому, чело-вѣка немолодого и видѣвшаго правленіе Перикла,—форма безусловно плохая: въ ней вмѣсто достойныхъ и дѣльныхъ людей господствуетъ ничтожество. Но она устроена вполне послѣдовательно. Демосъ забралъ себѣ всѣ выгоды и преимущества державнаго положенія, завелъ наилучшія учрежденія для своей пользы и зорко оберегаетъ свое состояніе. Морское могущество Аѳинъ, тѣсно связанное съ демократіей, неодолимо. Войной нельзя донять Аѳинъ, слишкомъ великъ перевѣсъ на морѣ; а на сушѣ отъ разоренія земли страдаютъ лишь сельскіе хозяева и богатые; демосъ къ этому равнодушенъ. Есть только одно несовершенство во внѣшнемъ положеніи Аѳинъ: будь городъ на островѣ, онъ остался бы совсѣмъ недосягаемъ для нападенія; теперь же можетъ случиться, что Аѳины предастъ меньшинство, открывши ворота врагамъ (на островѣ это невозможно, увѣряетъ авторъ); или произойдетъ возмущеніе немногихъ противъ демоса, и они будутъ разсчитывать на соединеніе съ врагомъ, который придетъ съ суши (опять на островѣ эта возможность исключена). Авторъ открываетъ намъ тайну олигарховъ своего времени: у нихъ тотъ же самый планъ предательства, какъ и въ 457 году во время битвы при Танагрѣ; ничего лучшаго они не придумали. Это одно показываетъ, что дѣла партій плохи, что силы ея ничтожны. Можетъ быть, мы даже въ правѣ заключить, что пар-

тія совѣтъ не организована, что есть только штабъ ея, только вожди, но нѣтъ рядовыхъ. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе получается при чтеніи анонимной брошюры 425 года; авторъ съ какой-то грустью озирается кругомъ въ средѣ аѳинскаго общества. Сколько лицъ, имѣющихъ основаніе быть недовольными демократіей! И родовитые, и богатые люди, и земледѣльцы, и, наконецъ, тѣ, кого авторъ называетъ неопредѣленно «приличные люди» (βέλτιστοι), т.-е. члены хорошаго общества, получившіе образованіе, прошедшіе школу. Но всѣ эти элементы разрознены и молчатъ; они могли бы стать сильной оппозиціей, но именно этого какъ разъ и нѣтъ налицо.

Передъ нами мысли непримиримаго врага демократіи, вынужденнаго, по необходимости, скрываться. Рядомъ слышится, однако, реальная оппозиція существующему порядку, но болѣе умѣреннаго свойства: ея органъ—комедія.

Аѳинская политическая комедія. Такъ наз. старая комедія—необыкновенно своеобразное явленіе аѳинской жизни. Она представляетъ какой-то литературный метеоръ, чрезвычайно недолговѣчный: ея существованіе заключено между 445 и 405 годомъ, т.-е. какъ разъ приходится на періодъ самой развитой и напряженной жизни демократіи. Послѣ кризиса 404 года, изъ котораго демократія вышла урѣзанной и смиреншеюся, политическая комедія уже не возродилась болѣе; ее замѣнила бытовая пьеса (такъ наз. средняя комедія). Въ старой комедіи бьетъ ключомъ тотъ же самый горячій интересъ къ публичнымъ дебатамъ, та же страсть шумной критики, словеснаго натиска, жестокаго изобличенія противника, что и въ экклесіи: не даромъ у Аристофана сцена происходитъ на томъ же Пниксѣ, гдѣ собирается демосъ слушать ораторовъ и постановлять рѣшенія, или въ народномъ судѣ; появляются послы иностранныхъ державъ, выступаютъ адвокаты сторонъ, тяжущихся въ публичныхъ процессахъ,—все сюжеты современной животрепещущей политики, непрерывно волновавшіе гражданство. Комедіи приходится въ Аѳинахъ жить среди довольно трудныхъ цензурныхъ условій; эти препятствія не мѣшаютъ прорываться вольности слова, въ свою очередь созданной аѳинской политической обстановкой. Старѣйшій изъ комиковъ, Кратинъ, рѣшался называть Перикла въ эпоху его безусловнаго авторитета сыномъ революціи (στάσις) отъ ветхаго отца Крона, величайшимъ тиранномъ. Аристофанъ выводилъ въ карикатурѣ не только популярнаго Клеона, но изобразилъ также (во «Всадникахъ») аѳинскій народъ въ видѣ выжившаго изъ ума старикашки, которому знахарствомъ возвращаютъ молодость времени грекоперсидскихъ войнъ.

Интересамъ какихъ партій служить комедія? Господствующему по-

литическому течению она враждебна, и это понятно: ее жизнь—политический скандалъ и политическая сатира. Нѣтъ, однако, основанія считать комедію безусловно реакціонной. У афинской комедіи есть опредѣленная консервативная симпатія, но не больше. Комики 20-хъ годовъ нерѣдко вызываютъ къ великой почтенной старинѣ для сравненія съ современной ничтожностью. «Обращаюсь я къ вамъ,—говоритъ Евполисъ,—къ вамъ, великіе господа наши, Мильгіадъ и Периклъ; не допускайте больше, чтобы распутные молодцы получали должности и за большой ростъ свой награждались стратегіей». «Грустно мнѣ,—говорится въ той же пьесѣ,—когда я смотрю на нашу политическую жизнь. Не такъ мы, старики, въ наше время управляли государствомъ; нѣтъ, прежде всего, стратеги у насъ были изъ великихъ домовъ, первые по богатству и по рожденію; мы на нихъ молились, какъ на боговъ, да такими они и были. Оттого мы жили въ безопасности; теперь мы выбираемъ въ стратеги послѣднихъ людей и подъ ихъ начальствомъ приходитея выступать въ поле»³¹. Самый даровитый изъ комиковъ, Аристофанъ, начиная съ пьесы «Вавилоняне», поставленной весною 426 года, выступаетъ противъ безпокойной политики и воинственной демагогіи. Въ этой комедіи, извѣстной лишь по отрывкамъ, хоръ состоялъ изъ союзниковъ, которые были представлены рабами («вавилонянами»), изнавающими въ каторгѣ у господина демоса; затронуть былъ и главный демагогъ Клеонъ, состоявшій въ то время казначеемъ союза. Смѣлое нападеніе Аристофана должно было въ Афинахъ показаться непатріотичнымъ, такъ какъ на праздникъ Діонисій, когда давалась пьеса, присутствовало много иногороднихъ, въ особенности депутаты отъ союзниковъ, привезшіе обычную ежегодную дань. Клеонъ потянулъ автора комедіи на судъ совѣта 500: въ обвиненіи (эйсангеліи) значилось, что Аристофанъ опозорилъ городъ въ присутствіи чужестранцевъ и оскорбилъ народъ въ лицѣ избранныхъ имъ сановниковъ, т.е. предусматривалось тяжкое государственное преступленіе.

Въ слѣдующей пьесѣ, «Ахарицы» (весною 425 г.), Аристофанъ, горячо выступая опять въ пользу скорѣйшаго заключенія мира, долженъ былъ принять предосторожность: не затрогивать никого изъ должностныхъ лицъ, не выводить на сцену опредѣленныхъ дѣятелей. Въ третьей комедіи, «Всадники» (весною 424 г.), Аристофанъ опять осмѣлился и, обходя запретъ, представилъ, подъ очень прозрачной маскировкой, не называя только именъ, Клеона, Никія и Демосеена; онъ позволилъ себѣ еще большую дерзость, далъ карикатуру самого демоса. Въ буффонадахъ Аристофана много злыхъ и мѣткихъ выпадовъ противъ демократіи, ее нравовъ и политическихъ привычекъ: высмѣивается жадность афинскихъ простолюдиновъ до всякаго рода выдачъ изъ казны,

страсть къ сутяжничеству и обиліе жалобщиковъ и доносчиковъ (сикофантовъ), увлеченіе далекими и безпочвенными авантюрами, тщеславіе аѳинской толпы, передъ которой распинаются иностранные послы, легковѣрность, съ которой народъ принимаетъ самыя дикія и фантастическія предсказанія и т. п. Между прочимъ, во «Всадникахъ» крикливые демагоги устраиваютъ какъ бы аукціонъ, надбавляя все выше свои обѣщанія. Довольно неожиданно встрѣчаемся мы тутъ со слѣдующими мелодіями. *Пафлагонецъ* (маска Клеона): Есть у меня, демось, крылатый оракулъ, какъ ты сдѣлаешься орломъ и воцаришься надъ всей землей. *Колбасникъ*: И у меня не хуже предсказаніе, что будешь ты и надъ всей землей царить, и надъ Краснымъ моремъ, и въ Экбатанѣ станешь творить судъ, да еще закусывая пирогомъ.—Изъ этого мѣста видно, что старая восточная метафора о царственномъ орлѣ, какъ символъ господства надъ міромъ, производила чарующее впечатлѣніе и на аѳинскій демось ³².

Аристофанъ ищетъ союзниковъ себѣ и защитниковъ въ средѣ недовольныхъ слоевъ аѳинскаго гражданства: въ «Ахарникахъ», въ качествѣ хора, онъ выводитъ крестьянъ знаменитаго Ахарнскаго дема, тѣхъ самыхъ, что, по разсказу Фукидида, такъ рвались въ бой, глядя со стѣнъ аѳинскихъ на разореніе своихъ полей спартацами: теперь они, давно разлученные съ родной деревней, усталые, разстроенные, тянутся всею душою къ замиренію и съ восторгомъ слушаютъ Дикэополиса, олицетвореніе здраваго смысла аѳинскаго, который, вопреки всѣмъ крикунамъ и воителямъ, заключаетъ миръ со Спартой, допускаетъ мегарянъ и беотійцевъ къ аѳинскому рынку, устраиваетъ опять веселый сельскій праздникъ и т. п. Во «Всадникахъ» хоръ состоитъ изъ главныхъ лицъ; это—аѳинская денежная аристократія, изъ среды которой набирается привилегированный отрядъ конницы, спортсмены-коноводы, вѣроятно, съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ снобизма. Аристофанъ сильно лѣститъ тому и другому классу и, можно думать, покупаетъ этимъ важныхъ покровителей, такъ какъ если послѣ тяжелаго осужденія, понесеннаго въ 426 году за «Вавилонянъ», ему удалось провести рѣзкую сатиру на Клеона во «Всадникахъ», то онъ былъ обязанъ помощи богатой, вліятельной корпораціи аѳинскихъ кавалеристовъ. Надо думать, что всѣ сторонники мира и противники господствующей демократіи въ свою очередь обращались къ великому комическому таланту въ надеждѣ найти въ немъ энергичнаго борца за свое дѣло. Но Аристофанъ былъ союзникъ нѣсколько ненадежный. Въ вихрѣ карикатурныхъ изображеній онъ легко переходитъ всякую мѣру, буффонство увлекаетъ его до забвенія цѣли, сатира его не щадитъ ни чужихъ, ни своихъ. Всѣхъ насмѣшки не даетъ Аристофану пройти спокойно мимо

фигуръ своихъ собственныхъ друзей и сторонниковъ. Онъ не можетъ себѣ отказать въ удовольствіи представить главу партіи мира, Никія, въ видѣ глуповатаго раба при старикѣ Демосѣ, трусящаго всякой примѣты, полнаго суевѣрія, идіотской вѣры во всевозможные оракулы. Его Дикѳополисъ («Правдословъ») послѣ смѣлыхъ поступковъ, приводящихъ къ миру, вдругъ оказывается обыкновеннымъ грязнымъ развратникомъ. Блага мира нарисованы у Аристофана такими пошлыми чертами, что картины общественнаго успокоенія можно принять за издѣвательство также и надъ партией мира.

Какъ бы то ни было, комедіи Аристофана служатъ яркимъ признакомъ нарастанія въ Аѳинахъ партіи мира. Одновременно съ усилившимся протестомъ аѳиняне терпятъ одну за другой крупныя неудачи, которыя грозятъ не только опрокинуть результаты Пилосской операціи, но и вообще рѣшительно повернуть всю войну противъ Аѳинъ. Первую изъ этихъ неудачъ аѳиняне испытали въ Беотіи.

Пораженіе аѳинянъ въ Беотіи и усиленіе Фивъ. Большое греческое междоусобіе принесло цѣлый рядъ выгодъ Фивамъ. Спартанцы помогли имъ уничтожить ближайшаго противника, Платей; сокрушенъ былъ оплотъ аѳинянъ на беотійской территоріи, крѣпость, стоявшая точно бѣльмо на глазу у Фивъ; къ тому же фиванцы получили платейскую землю. Война давала имъ также много текущей прибыли. Ведѣдъ за крупными грабителями, пелопоннесцами, приходившими тѣломъ въ Аттику, появлялись фиванцы въ качествѣ мелкихъ разбойниковъ, добирали остальное вплоть до деревянныхъ балокъ и кирпичей, которые они тащили съ заброшенныхъ аѳинянами сельскихъ домовъ; наконецъ, они уводили скоть и перехватывали бѣглыхъ рабовъ. Благодаря всему этому, Фивы выросли на счетъ Аѳинъ.

Какъ только аѳиняне избавились отъ постоянной угрозы пелопоннесскихъ нашествій, рѣшено было использовать ополченіе, бездѣтельно сидѣвшее въ стѣнахъ города, противъ крупнѣйшаго среднегреческаго союзника Спарты. Аѳиняне, повидимому, слишкомъ пренебрежительно судили о врагѣ, который уже однажды при Коронѣ въ 446 г. нанесъ имъ чувствительное пораженіе. Они рассчитывали на медлительность беотійцевъ, которые, при своемъ союзномъ устройствѣ, не скоро могли собрать отряды ополченія, поставляемые отдѣльными городами. Были у аѳинянъ и политическіе союзники въ нѣкоторыхъ беотійскихъ общинахъ, особенно въ Орхоменѣ и Феспіяхъ, гдѣ фиванскій эмигрантъ Птѳодоръ задумалъ произвести переворотъ и устроить демократію на подобіе Аѳинъ. Предполагалось напасть на Беотію съ двухъ сторонъ, съ моря, отъ Коринесскаго залива, и съ суши, отъ сѣверо-западной границы Аттики, гдѣ аѳиняне заняли укрѣпленное мѣстечко Делій, при

храмъ Аполлона, близъ переправы на Эвбею. Беотійцы приняли вовремя нужныя мѣры для защиты своей единственной гавани у Коринтскаго залива, и атака съ моря, порученная Демосеену, не состоялась. Вся масса беотійскаго ополченія, съ оиванцами во главѣ, двинулась противъ афинской арміи, наступавшей съ суши. Афиняне, подъ начальствомъ Гипократа, вышли *παυδρομεῖ*, т.-е. вывели въ поле все свое гражданское ополченіе (7.000 гоплитовъ). Они не ожидали столь стремительнаго движенія; вдобавокъ у врага оказался выдающійся вождь въ лицѣ оиванскаго беотарха Пагоида. Беотійцы загородили афинянамъ отступленіе и принудили ихъ къ битвѣ. Въ сраженіи, самомъ кровопролитномъ за всю войну, оиванскій вождь примѣнилъ тактику фланговаго натиска густыми колоннами, ту самую, при помощи которой впоследствии, въ 371 г., Эпаминондъ побѣдилъ спартанцевъ при Левктрѣ: очевидно, этотъ способъ боя составлялъ специальное изобрѣтеніе беотійцевъ. Афиняне были разбиты на-голову и потеряли значительную часть своего гражданства.

Послѣдствія, правда, не соответствовали тяжести удара. Беотійцы не преслѣдовали разбитаго войска и отказались отъ нападенія на Аттику: повидимому, ихъ ополченіе, вскорѣ послѣ битвы при Деліи, разошлось по домамъ. Но для Афинъ навсегда закрылась возможность завоеванія Средней Греціи; пришлось также покинуть всякія надежды на покореніе Мегары и овладѣніе Истмомъ. Оивы выиграли отъ побѣды вслѣдствіе. Между прочимъ при Деліи изъ беотійскаго ополченія особенно пострадалъ отрядъ города Феспій, погибъ цвѣтъ ихъ гражданства, какъ выражается Фукидидъ. Оивы, давно обвинявшіе феспійцевъ въ аттицизмѣ, т.-е. сочувствіи къ Афинамъ, воспользовались ослабленіемъ соперника, сломали стѣны Феспій и уничтожили автономію города. Послѣ гибели Платей это былъ второй крупный успѣхъ Оивъ на пути насильственнаго объединенія Беотіи.

Одновременно съ беотійской неудачей начался знаменитый походъ Брасида во Фракію, угрожавшій одной изъ самыхъ важныхъ территорій афинской державы.

Завоеваніе Халкидики Брасидомъ. Способнѣйшій изъ спартанскихъ офицеровъ задумалъ это предпріятіе на свой страхъ и рискъ. Пелопоннесцы не имѣли болѣе военнаго флота, и афиняне съ моря были совершенно неуязвимы; Брасидъ поэтому возымѣлъ мысль добраться до фракійскихъ владѣній державы сухимъ путемъ, пройдя всю Грецію отъ Истма до Олимпа. Спартанское правительство отказалось отъ прямого участія въ экспедиціи Брасида. Ему не дали настоящихъ спартанскихъ воиновъ, позволили только вооружить гоплитами нѣсколько сотъ телотовъ. Брасидъ присоединилъ къ нимъ наемные отряды пелопоннесцевъ,

быстрыми маршами прошелъ черезъ Беотию, Фермопилы, Фессалию и Македонію къ Халкидскому полуострову, гдѣ аоніянамъ все еще не удалось достигнуть полного замиренія.

Брасидъ оказался не только даровитымъ командиромъ, но также хорошимъ ораторомъ и ловкимъ дипломатомъ. Онъ заключилъ союзъ съ македонскимъ царемъ Пердиккой, но особенно искусно повелъ политику въ отношеніи общинъ, недовольныхъ господствомъ Аѳинъ. Брасидъ объявлялъ всюду, что спартацы пришли освободителями грековъ отъ тиранніи Аѳинъ, и обѣщаль городамъ, готовымъ къ отпаденію, полную автономію. Реально говоря, автономія означала прекращеніе взносовъ, а такъ какъ налоги преимущественно лежали на зажиточномъ классѣ, то на сторону Брасида легко склонялась олигархія; демось, напротивъ, сохранялъ къ нему холодное или даже враждебное отношеніе. Городъ Аканеъ, лежавшій у входа къ восточному Аѳонскому выступу полуострова, первый открылъ Брасиду ворота и присоединился къ пелопоннесскому союзу. Смѣлымъ движеніемъ направился спартанскій вождь къ новой полуаѳинской колоніи Амфилолю. Онъ предъявилъ городу чрезвычайно выгодныя условія: всѣ граждане, согласные на капитуляцію, въ томъ числѣ аѳинскіе колонисты, могутъ сохранить имущество и права, нежелающимъ предоставляется выселиться въ теченіе 5 дней. Амфиполь сдался, прежде чѣмъ успѣлъ на выручку аѳинскій стратегъ, командовавшій небольшою эскадрой во еракійскихъ водахъ, а этимъ неудачливымъ стратегомъ, немедленно получившимъ отставку и осужденнымъ на изгнаніе, былъ самъ знаменитый историкъ войны, Фукидидъ, сынъ Олора.

Авторитетъ аѳинянъ среди еракійскихъ союзниковъ былъ сильно поколебленъ. Брасидъ рѣшилъ воспользоваться положеніемъ и, укрьпившись въ Амфиполѣ, завоевать весь Халкидскій полуостровъ. Онъ уже захватилъ Горону на Сиѳоніи, среднемъ выступѣ полуострова, какъ пришло извѣстіе о заключеніи перемирія между двумя главными воюющими силами, Аѳинами и Спартой (весной 423 года). Обѣ стороны были заинтересованы въ пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Аѳиняне поняли, какая великая опасность грозитъ имъ на сѣверѣ, и хотѣли выиграть время для подготовки силъ къ обратному завоеванію городовъ еракійскаго округа. Спарта смотрѣла на перемиріе, какъ на введеніе къ давно желанному миру. Въ аѳинскомъ плѣну находились люди самыхъ вліятельныхъ спартанскихъ семействъ; ихъ родство и сторонники, заинтересованные прежде всего въ освобожденіи плѣнниковъ, видѣли въ успѣхахъ Брасида только помѣху своей цѣли; даровитый командиръ казался опаснымъ косянъ средѣ спартанской аристократіи; ему завидовали, его готовы были взять подъ контроль.

Перемирие было заключено на одинъ годъ при условіи сохраненія обѣими сторонами владѣній даннаго момента. Такъ какъ пелопоннескій военный флотъ болѣе не существовалъ, Аѣины остались въ безусловномъ обладаніи моря: пелопоннесцы должны были согласиться на сильное ограниченіе своего торговаго судоходства. Однако перемирие было невозможно провести во Фракіи. Брасидъ, не справлявшійся вообще съ видами своего правительства, продолжалъ брать одинъ городъ за другимъ; Скіона и Менда на западномъ Палленейскомъ выступѣ Халкидики открыли ему ворота. Въ свою очередь аѣиняне послали экспедицію для отвоеванія мятежныхъ городовъ: имъ удалось занять Менду и осадить пелопоннескій отрядъ въ Скіонѣ. Тогда и Спарта стала считать перемирие необязательнымъ для района Фракіи. Туда былъ посланъ вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ спартанца Исхагора; впрочемъ, онъ не столько долженъ былъ помочь Брасиду, сколько контролировать дѣятельность слишкомъ самостоятельнаго командира и забрать сдѣланныя имъ пріобрѣтенія подъ власть спартанскаго правительства. Надо сказать, что поведеніе враговъ Брасида, устроившихъ эту миссію, было въ политическомъ отношеніи шагомъ крайне неуклюжимъ: они не хотѣли признавать обѣщанной Брасидомъ автономіи халкидскихъ городовъ и прислали для управленія ими комиссаровъ. Мы впервые встрѣчаемся здѣсь со спартанской бюрократіей на чужой почвѣ: такіе чиновники имѣлись до сихъ поръ въ Лаконіи для управленія надъ общинами періойковъ; ихъ названіе, *ἀρμοσταί* (буквально «исправники»), перешло потомъ и на гражданскихъ комиссаровъ на чужихъ территорияхъ. Фукидидъ сообщаетъ еще одну любопытную черту, относящуюся къ миссіи Исхагора: въ качествѣ чиновниковъ для назначенія по городамъ онъ привезъ съ собою совсѣмъ молодыхъ спартиатовъ, что было противно обычаю (*παράνομος*)³³. Появленіе на политической сценѣ молодыхъ нетерпѣливыхъ юношей (*οἱ νεώτεροι*) замѣтно около того же времени и въ Аѣинахъ. Здѣсь они готовы опрокинуть установившійся порядокъ службы, дающій мѣсто людямъ пожилымъ; вообще недовольная честолюбивая молодежь явно враждебна демократіи, ея системѣ выборовъ и частой смѣны должностныхъ лицъ; судя по опытамъ переустройства, на которые идутъ повички въ 411 г., они вырабатываютъ другой строй, гдѣ нѣтъ счета возрасту, гдѣ вмѣсто выборовъ преобладаетъ кооптація (привлеченіе самой коллегіей новыхъ лицъ въ свою среду) и прямое назначеніе. Мы до известной степени присутствуемъ при зарожденіи греческой бюрократіи, идущей на смѣну автономнымъ формамъ.

Такъ какъ перемирие во Фракіи не признавалось ни той ни другой стороной, то оно почти нечувствительно перешло въ войну. Въ Аѣинахъ,

впрочемъ, переходъ былъ очень замѣтенъ, такъ какъ вмѣстѣ съ истеченіемъ срока перемирія взяла верхъ радикальная партія: лѣтомъ 422 года Клеонъ прошелъ въ стратеги. По его предложенію народъ рѣшилъ отправить войско во Фракію; Клеонъ въ такой мѣрѣ увѣровалъ въ свои военныя способности, что принялъ на себя командованіе. Ни въ чемъ, можетъ быть, не отражается такъ ярко склонность аѳинскаго демоса поддаваться аффектамъ вмѣстѣ съ недостаткомъ административнаго чутья, какъ въ этомъ выборѣ командира. Конечно, въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ борьба съ талантливымъ и энергичнымъ Брасидомъ, нуженъ былъ стратегъ въ родѣ Демосеена; посылая Клеона, народъ смѣшалъ довѣріе къ личности демагога съ вѣрой въ его умѣніе побѣждать и этимъ заранѣе опредѣлилъ роковой исходъ всего дѣла. Солдаты экспедиціоннаго отряда, впрочемъ, не раздѣляли чувствъ народа; уваженія къ Клеону въ войскѣ не было, и онъ самъ сталъ сознавать непрочность своего положенія. Клеонъ высадился около устья Стримона и направился къ Амфиполу. Брасидъ внезапно изъ засады напалъ на аѳинскій отрядъ, не давши ему построиться въ боевомъ порядкѣ. Аѳиняне обратились въ бѣгство, Клеона убили. Но результаты блестящей побѣды были почти уничтожены смертью самого Брасида, сражавшагося въ переднихъ рядахъ.

Никіевъ миръ. Съ той и другой стороны погибли главные направители ожесточенной войны, создавшей въ Греціи общее утомленіе. Потребность мира сказалась теперь съ неудержимой силой. По словамъ Фукидида, аѳиняне подъ впечатлѣніемъ неудачъ при Деліи и при Амфиполѣ жалѣли, что отвергли раньше мирныя предложенія Спарты. Они безпокоились, что пораженія уронятъ ихъ престижъ у союзниковъ и вызовутъ отпаденія. Спартанцы, какъ говоритъ Фукидидъ³⁴, въ свою очередь разочаровались въ своей первоначальной надеждѣ сломить въ короткій срокъ силу Аѳинъ; для нихъ тяжелой незаживающей раной было занятіе врагомъ Пилоса и Киоеры; помимо того, что отсюда совершались грабительскіе набѣги, эти опорные пункты привлекали перебѣжчиковъ изъ среды гелотовъ, и можно было каждую минуту ожидать большого общаго возстанія крѣпостныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнулось и общее положеніе Спарты среди пелопоннесскаго союза; къ тому же приближался срокъ окончанія мира съ вѣчнымъ соперникомъ Аргосомъ, и Спартѣ надо было скорѣе заключить миръ, чтобы развязать себѣ руки въ ближайшемъ сосѣдствѣ. На предварительныхъ совѣщаніяхъ уговорились, что обѣ стороны выдадутъ захваченныя во время войны территоріи. Затѣмъ аѳинскіе послы, среди нихъ Никій и Демосеенъ, отправились въ Спарту, куда въ свою очередь были вызваны делегаты пелопоннесскаго союза. Беотійцы, элейцы, коринѳяне и мега-

ряне отвергли условія мира; но большинство союзниковъ голосовало вмѣстѣ со Спартой.

Мирный трактатъ 421 года (въ исторіи за нимъ осталось имя Никіева мира) очень любопытенъ уже по своей формѣ. Онъ начинается съ объявленія автономіи общегреческаго святилища въ Дельфахъ и взаимнаго обѣщанія примиряющихся сторонъ предоставить каждому свободное безпрепятственное посѣщеніе Дельфійскаго храма и оракула. Миръ между Спартой, Аѣинами и союзниками той и другой державы заключенъ на 50 лѣтъ и долженъ соблюдаться «безъ хитрости и вреда, на морѣ и на сушѣ». Недоразумѣнія могутъ быть разрѣшаемы справедливымъ (третейскимъ) судомъ въ формахъ, принятыхъ по соглашенію. Цѣлый рядъ специальныхъ условій опредѣляетъ положеніе оракійскихъ городовъ. Спарта обязуется ихъ выдать; они снова будутъ платить взносы, установленные при Аристидѣ, но сохранять автономію. Аѣины въ свою очередь должны выдать Пилось и Киоеру.

Что касается выполнения условій, положеніе Аѣинъ было менѣе выгодно, чѣмъ Спарты: Пилось и Киоеру аѣиняне держали въ своихъ рукахъ и, слѣд., могли отдать по договору; оракійскіе города находились собственно внѣ сферы досягаемости для Спарты; большею частью они примкнули по собственному желанію къ пелопоннесскому союзу, и поэтому условіе отдать ихъ назадъ было неисполнимо. Но разъ Спарта не выдавала Амфиноля, аѣиняне считали себя въ правѣ удержать Пилось. Въ цѣломъ, несмотря на громадныя потери, Аѣины вышли благополучно изъ кризиса: противникамъ не удалось пресѣчь въ корнѣ развитіе аѣинской морской монополіи, и прежняя опасность продолжала угрожать Пелопоннесу. Споры греческихъ общинъ, затянувшіеся съ 433 года, не были рѣшены и въ 421 году. Но Никіевъ миръ важенъ не только для взаимоотношеній греческихъ кантоновъ. Косвенно онъ имѣлъ очень большое значеніе для общаго положенія греческаго міра. Ожесточенная внутренняя борьба такъ ослабила Грецію и въ военномъ, и въ финансовомъ отношеніи, что теперь для персовъ, которыхъ аѣиняне держали въ извѣстномъ страхѣ, опять открылась возможность вмѣшательства въ греческія дѣла. Когда аѣиняне въ 415 году отвлекли главныя свои силы въ большое предпріятіе на отдаленномъ западѣ, эта возможность еще значительно возросла.

¹ Плут. Перикл. 20; Діод. XII, 11 и 35. ² Пл. Пер. 25—8; Діод. XII, 27—28; Оук. I, 115—117. ³ Оук. IV, 102, 106, 108. ⁴ Пл. Пер. 20. ⁵ Исократ. Ареопагит. 27; Схолии къ Аристоф. Миру 145; Ксеноф. Греч. ист. V, 1. ⁶ Арист. Ае. пол. 24. ⁷ Оук. I, 141. ⁸ Схолии къ Аристоф. Ахарид. 67 и къ Облак. 31. ⁹ Эврип. Умоляющія 403—56. ¹⁰ Аристоф. Всадн. 188—9. ¹¹ Соф. Аянт. 1036. ¹² Эврип. фрагм. 293. ¹³ Пл. Пер. 32—33. ¹⁴ Оук. I, 23. ¹⁵ Оук. I, 24—66. ¹⁶ Оук. I, 67—87. ¹⁷ Аристоф. Миръ 600—6. ¹⁸ Оук. II, 65. ¹⁹ Оук. I, 83. ²⁰ Оук. I, 140—4. ²¹ С J A I, 40 = Dittenberger Sylloge 32. ²² Оук. II, 65; Пл. Пер. 24—26. ²³ Аристоф. Всадн. 129 и слѣд. ²⁴ Оук. III, 36. ²⁵ Оук. III, 37—49, одно изъ самыхъ захватывающихъ мѣстъ въ разсказѣ историка. Въ качествѣ противника Клеонова авторъ выводитъ Діодота, но мы чувствуемъ, что устами этого оратора экклесіи говоритъ самъ Оукидидъ, жалуясь на нетерпѣливость и придирчивость аѣинскаго демоса, на невниманіе его къ совѣтамъ искреннихъ и разсудительныхъ людей. Въ той же рѣчи развита тема, не имѣющая отношенія къ Лесбосу и вообще мало подходящая для дебатовъ въ экклесіи, но крайне характерная для гуманнаго міровоззрѣнія Оукидида; Діодотъ говоритъ о постепенномъ развитіи жестокости въ уголовномъ правѣ и въ практикѣ администраціи; всю систему новой устрашающей политики онъ считаетъ бесполезной и недѣйствительной. ²⁶ Оук. III, 82—84. ²⁷ Оук. IV, 28. ²⁸ Оук. III, 19. ²⁹ Аристоф. Осы 31 и слѣд. ³⁰ Savaignas Et. s. l'hist. financ. d'Athènes, p. 129. ³¹ Въ пьесѣ Δῆμος отр. 100 и 117. ³² Аристоф. Всадн. 1087—89. ³³ Оук. IV, 132. ³⁴ Оук. V, 14.